

Рыцарь Бах

*Арық-
демекшіміз:
Дәл
ө Байсарауылы
Тасмық.*

Х
РОМЛИКИ
ОРЬКОВ

Annotation

А вдруг все, что мы видим вокруг себя, есть только отражение наших представлений о мире?

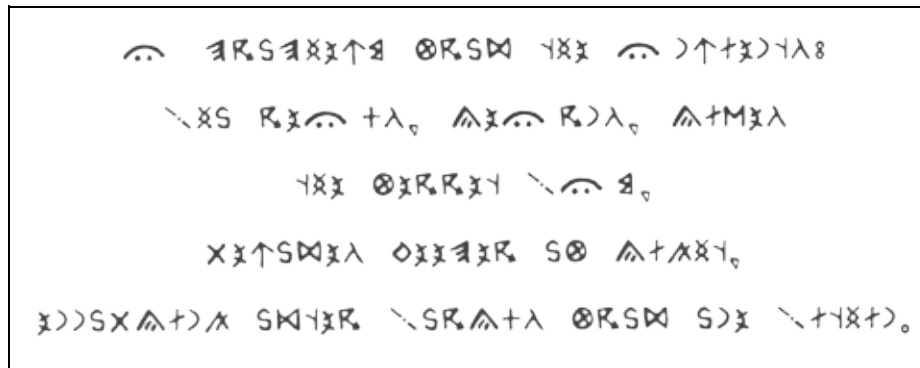
Изменится ли это отражение, если мы решим думать по-другому?

Ричард Бах принял такое решение. И увидел мир, где нет зла — и быть не может.

Самое удивительное, что все это правда. Ни в каких «глупых генах» не заложено, что кто-то из нас станет злым и подлым человеком, а кто-то — примером света и добра, по которому дети захотят выстроить и свою жизнь. Все зависит от нашего выбора. От нашего выбора зависит, станем ли мы гениальным детективом — или преступником, которого этот детектив разыскивает.

Но в «Хрониках Хорьков» нет никаких преступников. Последняя война была сотни веков назад. И покончить с войнами навсегда помогла юная девушка-хорек, детектив из нашего времени. Может быть и такое.

Эта книга для всех — для детей и взрослых от пяти до ста.

Последняя война.

Хорьки-детективы: Дело о Благородном Поступке

Предисловие

В детстве я путешествовал по королевству Оз, по всем четырнадцати книгам. Я был влюблен в героев этих книг, в их очарованную землю и в их приключения.

«Мама, это все правда? Страна Оз реальна?»

Она ответила, как порой умеют матери, одной фразой, которая запоминается на всю жизнь: «Эта страна реальна в сознании автора, Ричард, а теперь она реальна и для тебя». Тогда я впервые понял, что новость может быть и хорошей, и плохой одновременно: страна Оз существует! Но я не могу добраться до нее на поезде.

Поскольку я тогда не знал, как спросить, что существует в моем сознании, а что — в реальности, то следующие полвека провел, пытаясь сформулировать свои вопросы:

Если страна Оз существует только в нашем сознании, значит, никто не сможет ее разрушить — никогда?

Может быть, весь мир тоже существует лишь в нашем сознании, а не в действительности?

Что, если все, что мы видим вокруг себя, есть только отражение наших представлений о мире?

Изменится ли это отражение, если мы решим думать по-другому?

Те давние детские путешествия в страны, которых не найдешь на карте, давали мне силы терпеть все эти драмы, пьесы и фильмы о войнах, насилии и преступлениях, хотя я был сыт ими по горло. И вот я поклялся, что, если мне придется увидеть еще одну сцену в тюрьме и одну — об агрессии, еще одну картину ужасающего гигантского взрыва на экране — не важно, произошел он в реальной жизни или нет, — я покину этот мир и создам новый.

— Ба-бах —

Что, если ценой моего ухода удалось бы спасти мир от катастроф, преступлений и войн? И что будет с тем огромным количеством энергии, которую мы расточаем на разрушения? Каково будет жить в мире нашей высшей истины, а не нашей черной неправды, в мире, где мы будем возвышать друг друга, вместо того чтобы всегда и везде друг друга подавлять?

Как приступить к созданию такой цивилизации и как она будет развиваться?

Так родились *Хроники Хорьков*, рассказ о цивилизации, которая была обречена, но смогла возродиться благодаря простому действию одного-единственного существа.

Ричард Бах

S⊙ 1x3 XR⊙ M3 >3 \ ↑+M+△+H⊙ 1+S)
1x⊙ 1 \ SK△+ R+λ3.

1x3 ⊙3R.R.3+λ \ 3R.3 1SK↑X3+. ⊙)+
3R.SM+λ3+ 1S R.3+K(R). S) 1x3 +⊙ 3 S⊙
1x3+R +33⊙ R.1K(R). S)3 XK⊙⊙) 1K(R)3+
1S 1x3⊙. ⊔S⊙ 1x3λ3 3S\3R.λ. +3⊙ R
⊙3R.R.3+λ. \ X+↑X +λ 1x3 ⊙+R.λ+ ⊙ M>S)K
1x3⊙. \ X+↑X \ SK△+ 3SK X⊙ M3 Kλ
M⊙ R+ ⊙ XSM3 ⊙ △△ S1x3R.λ: ⊔

⊔\3△△ ⊙ λ03+. ⊔ R.33△+3+ 1x3 ⊙3R.R.3+λ.
⊔\+1XSKY ⊙+R.3 ↑⊙) 3SK 3RSλ33R.
⊙)+ \+1XSKY 1x3 \ X33△. ⊙)+ \+1XSKY
1x3 ⊙ △3X⊙ X3+. ⊙SR M⊙)3 X⊙ M3
3RSλ33R.3+ S) 3SKR 3△⊙)3+ ⊙)+
⊙ ↑RSλλ 1x3 M⊙ △⊙ ⊙+3λ \+1XSKY
1x3λ3. 1x3 S)3 3S\3R \+1XSKY \X+↑X >S
↑+M+△+H⊙ 1+S) ↑⊙) △S)K λKR.M+M3.
X3\3M3R. +λ 1x3 △⊙ λ+. 1x3 3S\3R S⊙
↑SKR.1x3λ3 ⊙)+ R.3λ33↑+ ⊙SR 3⊙ ↑X
S1x3R ⊙)+ ⊙SR ⊙ △△ △+⊙3. ⊔

1x3 XK⊙⊙)λ MKR.MKR.3+. K)3R.λ+⊙)+3)K.
⊙)+ Kλ3+ 1x3+R >3 \ △3+1xR.λ 1S
λ↑R+X3 1x3 ↑SKR.1x3λ+3λ S) 1⊙ X△3+λ S⊙
S)3⊙. 1x3 \SR+λ ⊙+3)λX3+ +) 3KR.3λ+
λ+△M3R. \X3) 1x3 ⊙3R.R.3+λ X⊙ +
+33⊙ R.13+. 1x3 >3 \ R⊙ ↑3 △3⊙ R)3+
λ\+⊙+△3. M⊙ λ+3R+3)K 1x3 >⊙ 1KR.3λ S⊙
⊙+R.3 ⊙)+ \X33△ ⊙)+ ⊙ △3X⊙ X3+.

Но без учтивости и уважения друг к другу и ко всему живому не может уцелеть ни одна цивилизация».

Ответом был общий вздох понимания. Люди выбили Правила Этикета на плитах из оникса и каждую букву покрыли чистым серебром. Когда хорьки улетели восвояси, люди быстро овладели природой огня, научились использовать колесо и алфавит.

Однако они долго думали, как наилучшим образом обеспечить сохранность самого ценного из хоречьих даров. Наконец было решено спрятать пластины с Правилами Этикета в самом укромном месте на планете. Глубоко почитая эти Правила, люди не сделали с них ни одной копии и никому не разрешили их прочесть, их читали лишь те, кто впервые услышал Правила от самих хорьков.

И так случилось, что самый важный из Четырех Даров, оправленный в редкие металлы и украшенный драгоценными камнями, был заключен в огромный железный сундук и после долгого и торжественного путешествия брошен в пучину волн и похоронен навсегда в самой недоступной части океана.

Наше дело — подарить, а уж распорядиться подарком — забота того, кто его получил.
Хорек Антоний. Притчи

Глава 1

Хорьчиха Трилистник поставила чашку с черносмородинным мандалайским чаем на журнальный столик, подлила из кувшинчика немного меда (чистейшего, собранного с одного вида цветов) и уютно свернулась калачиком в своем Кресле Нераскрытых Тайн. Старинное кресло, купленное по случаю на антикварной ярмарке, мягкое, как плетеный солнечный свет, было словно предназначено для размышлений и раскрытия тайн.

Когда в камине разгорелся огонь и ее мех цвета темного шоколада заблестел в его свете, сыщица положила на кресло маленький диск из фетра и попыталась восстановить в памяти факты.

Рисунки из павших на поле кукурузных стеблей были закончены и совершенны, как эмблема: две звезды, одна большая, другая маленькая, соединенные извилистой, как лента, дорогой.

Эти узоры всегда появлялись в предутренний час, между сумерками и рассветом, при полной луне. Они не были исполнены при помощи инструментов или приборов или чего-нибудь в этом роде. Не было там и признаков какого-либо замысла или особого значения.

Трилистник разгладила усы лапой и, уставившись на огонь, стала проверять ход своих рассуждений.

«Нет видимого смысла», — подумала она. В каждой тайне скрывается внутренний смысл, каждую можно раскрыть, лишь сумев встать на новую точку зрения. Трилистник давно поняла, что в мире нет тайн, в которые нельзя проникнуть. С помощью интуиции, наблюдений и рассуждений мы вдруг раскрываем то, что сопутствовало нам всегда, а мы не замечали.

Так думала хорьчиха, не отрывая взгляда от пламени камина и прихлебывая маленькими глотками чай.

В обитой панелями темного дерева скромной комнате рядом с креслом хозяйки стоял письменный стол с блокнотами и авторучками. Там еще были старинные часы, тиканье которых она слушала еще щенком, и блестящий начищенной медью микроскоп со стертой от частого употребления ручкой фокусировки. Над столом располагались полки с книгами: «Анализ от нуля», «Принципы дедукции» и тридцать томов слегка потрепанной от частого употребления энциклопедии «Со всех лап — к знаниям». На вбитых в стену кольшках красовались малиновый шотландский берет и белоснежный шарф со множеством карманов. В двери — щель для писем, а над нею причудливой формы колокольчик, снятый когда-то со старого корабля. Мир и покой.

Но на душе у сыщицы тревожно. В отсветах огня перед глазами вспыхивают сцена за сценой — таинственные изображения, возможные ключи к их разгадке, связь между знанием и предположением.

Мисс Хорьчиха Трилистник зарабатывала на жизнь, угадывая степень реальности предполагаемого. Теперь идеи и образы мелькали в ее голове, сменяя друг друга, как в кинематографе. Сцена за сценой являлись и исчезали; возможные решения, ускользая и возникая вновь, постепенно приближали ее к раскрытию тайны.

Она взяла фетровый диск и, осторожно держа его в лапах, закрыла глаза и дала волю воображению.

«Как я люблю эту работу, — подумала она, вдыхая аромат *Мандалая*. — Как я люблю раскрывать тайны!»

Глава 2

На вершине горы было темно, когда они пришли сюда, девять щенков во главе с мисс Хорьчихой Имбирь, все в теплых шарфах и шапках, и уселись на полянке, покрытой мхом и травой. Хвостики вились за ними, а глаза были распахнуты навстречу звездному небу.

— Звездный мир бесконечен, — сказала учительница. — Посмотрите, над нами миллионы звезд. Но одна из всех — ваша собственная. Вы увидите свою звезду и узнаете ее. Это будет самая теплая, самая дружественная звезда. И когда она шепнет: «Здравствуй!», протяните лапу и ответьте: «Здравствуй!»

Тонкий голосок в ночи:

— Моя собственная звезда, мисс Имбирь?

— Только твоя. Ты навсегда запомнишь эту ночь. Даже когда она растворится в череде лет и многое изменится. Когда ты будешь лететь высоко и свободно и когда погрузишься глубоко в исследование непознанного, твоя звезда всегда будет с тобой. Твоя звезда.

Усики и пушистые маски задрались кверху. Щенята пристально оглядывали небо от горизонта к зениту.

— А какая *Ваша* звезда, мисс Имбирь? Учительница показала на юг:

— Посмотри, Джимкин, видишь Семь Щенят? Четыре из них образуют прямую линию с треугольником на вершине. Моя звезда — Корриста, вторая из них. Она самая яркая, сверкает голубым светом.

Имбирь вспомнила ночь, когда она впервые увидела свою звезду, тихо сияющую над лугом, недалеко от своего дома. Каким ровным и утешительным был ее свет! С того часа звезда мерцанием предупреждала хорьчиху о возможных переменах к худшему в ее судьбе, независимо от того, были ли дурные предчувствия у самой мисс Имбирь. И звезда никогда не ошибалась.

Учительница видела, как одна за другой тянулись в небо щенячьи лапки. В ночном воздухе шелестело:

— Здравствуй!

Хорьчиха Имбирь следила взглядом за направлением каждой лапки:

— Микела, твоя звезда вон та, голубая?

— Да, мисс Имбирь.

— Ее имя Вейа, это созвездие Дикобраза. Видишь его нос и уши? Так вот, Вейа — его глаз. По преданию, Дикобраз когда-то спас детеныша мышки-полевки. Малыш во сне скатился с крутого берега в поток. Дикобраз плюхнулся в воду, вытащил мышонка и вернул его в родительскую норку. А потом пошел своей дорогой, не придав никакого значения происшествию. Но Великая Хорьчиха Мустелла, королева пушных зверей, все увидела сверху. Когда земная жизнь Дикобраза закончилась, его взяли на небо и сделали созвездием, чтобы все его видели и помнили о его доброте к маленькому живому существу.

Пока Млечный Путь медленно плыл над головами, Хорьчиха Имбирь называла щенкам имена выбранных ими звезд. Очерчивая лапой контуры созвездий, она вспоминала легенды об их возникновении. И рассказала щенкам, как много веков назад хорьки прилетели на Землю, покинув другое солнце и свою собственную планету.

Мисс Имбирь показала звезду по имени Хорек, вокруг которой вращались все другие звезды, и недалеко от нее — созвездие Мустелла, чье тело напоминало ковш. Ручка «ковша» состояла из четырех ярких звезд, образующих хвост Великой Хорьчихи.

— По легенде, Мустелла — единственное созвездие на небе, которое выглядит одинаково с Земли и с планеты Ферра.

— Это правда, мисс Имбирь, или только легенда, как про Дикобраза?

— Большинство сказок рождаются из подлинных происшествий. Дикобразы добры к полевкам даже в наши дни. Но никто не знает точно, откуда мы явились.

Одна маленькая хорьчиха терпеливо ждала, слушала и смотрела на других.

— А ты нашла свою звезду, Трили? — спросила учительница.

Малышка протянула лапку:

— Да, мэм. Она там, в Великой Хорьчихе.

— Последняя в ручке ковша, самая яркая?

— Нет. В середине ручки.

Учительницу словно током пронзило, от носа до хвоста. Эта крошка выбрала...

— Видите две линии под прямым углом? Моя звезда — около вершины угла. Она не очень яркая.

Учительница повернулась к маленькой хорьчихе.

— Из всех звезд на небе, — прошептала она, — ты выбрала ту, что в самом сердце Мустеллы. Кто помог тебе?

— Но, мэм... Разве нельзя? Она же не очень большая...

— Ты знаешь имя твоей звезды?

— Нет, мэм.

— Трили, ее зовут Феррина. Легенда гласит, что это звезда нашей родной планеты.

— Что за легенда, мисс Имбирь? Почему мы ее не знаем?

Учительница задумчиво улыбнулась в темноте. Острая тоска по дому вспыхнула в ее душе.

— Что тебя больше интересует, Трили? То, что уже случилось, или то, что еще должно произойти?

Малышка молча обдумывала ответ. Всю жизнь родители задавали ей вопросы, чтобы научить наблюдать, воображать, делать заключения, изучать. «Почему это так, Трили? Почему это случилось так, а не иначе или вообще не случилось?»

— Больше всего мне интересно... разгадывать тайны!

«Это дитя сможет расширить границы мира», — подумала учительница.

Слушая разговор, рядом стоял щенок с белой масочкой.

— А мне интереснее всего то, что должно произойти! Мисс Имбирь кивнула.

— Как и большинству из нас, Хоппер. То, что уже случилось, — наша история — не так волнует нас, как наше будущее. — Она улыбнулась: — Почему, Трили, как ты думаешь?

— Потому что мы можем творить наше будущее, — ответила маленькая хорьчиха. — Потому что будущего еще не было, а прошлое — было.

В темноте прозвучал голосок Джимкина:

— Но, мисс Имбирь, если очень захотеть, разве нельзя изменить и прошлое?

— Хорьки-философы говорят, что можно.

— Я хочу стать хорьком-философом, — сказал Джимкин.

Какие тропинки выберут себе ее щенята, учительница сказать не могла. Каждый хорек — создание волшебное.

Эта ночь запустила в небо девять ракетных корабликов в девять новых «завтра». И в каждом из девяти сидел малыш со своей собственной звездой, которая навсегда будет его другом.

Ко времени прибытия Хорьчихи Трилистник деревенский клуб был полон хорьков-фермеров. Она обещала поведать им тайну кукурузных полей, и каждый желал ее услышать.

В зале стало тихо, когда сыщица прошла на сцену, украшенную выполненными пером и пастелью рисунками с изображением сухой кукурузы, тыквы и кабачков. В середине сцены располагался стол, залитый льющемся с потолка светом.

Трилистник поставила на стол плетеную коробку. Ее прикрывала крышка, но четыре медных замка не были застегнуты. На коробку падал яркий свет. Шепот прошелестел по толпе: что в коробке?

Сыщица взяла в лапу микрофон, и шепот стих.

— Спасибо, джентльфериты, — произнесла она ясным, твердым голосом опытного детектива. — Дело о Таинственных Рисунках — задача в высшей степени увлекательная и сложная.

Она сделала паузу, обводя взглядом присутствующих от мордочки к мордочке: разные оттенки шкурок и масок, глаза, устремленные на нее, словно на иллюзиониста, готового показать фокус.

— Помогите проверить мое решение, ответив на несколько вопросов.

Мгновенно ее слушатели превратились из наблюдателей в участников игры «Угадай-ка!». «Помогите проверить мое решение» — было типичным приемом сыщицы Трилистник, превращавшим ее клиентов в детективов, участников расследования.

— Нет ли на расстоянии примерно тысячи лап от полей, на которых появились изображения, — начала Трилистник, — каких-либо ручьев или речек?

Усики и маски закивали в знак согласия. Действительно, недалеко от каждого поля, где были обнаружены рисунки, протекает речка, не большая, не маленькая — средняя.

— Если стать лицом к северу, правда ли, что речка всегда протекает слева от поля и никогда — справа?

Вдумчивые кивки. Да, это так.

— Появляется ли рисунок после туманной или дождливой ночи или в ночь, после которой находят рисунок, небо бывает ясным?

Клиенты молча обдумывают ответ, затем, посоветовавшись друг с другом взглядами, кивают, и чей-то голос с общего согласия произносит:

— Каждая ночь перед появлением изображения была ясной.

Трилистник кивнула в знак благодарности за помощь.

— Был ли последний сезон особенно урожайным? Или этот год был трудным для фермеров?

В толпе заискрились смешки. Никким образом нельзя назвать прошедший год трудным для сельского хозяйства. Они, конечно, от рассвета до сумерек трудились на своих ухоженных полях, но этот год был особенно урожайным.

— Кто-нибудь узнает это? — Сыщица показала фетровый диск, похожий на берет, размером с пол-лапы.

Удивленный возглас из четвертого ряда:

— О, я нашел такой же! На моем поле, расположенном на вершине холма, около апрельского рисунка!

— Ясно, — подтвердила сыщица. — Благодарю вас, джентльфериты, это была замечательная загадка. Польщена тем, что вы пригласили именно меня, чтобы разгадать ее.

Ваши таинственные узоры, ваши рисунки из кукурузных стеблей — работа *прибывших сюда парижских художников-мышей*.

В толпе молчание. Лапы поглаживают усы, точно так же как это делает същица.

Если есть в расследовании самый счастливый момент, то он наступил сейчас, когда решение объявлено клиентам и можно наблюдать, как в лучах очевидности тает их недоверие.

— В стеблях кукурузы имеются соединения железа. Когда стебли попадают в магнитное поле, — объяснила Хорьчиха Трилистник, — они прочно связываются с тем покрытием, которым пользуются художники, — льняным маслом. А те привыкли работать на левом берегу реки их любимого города — Парижа. Ясное небо и свет полной луны необходимы, чтобы внедрить в творческие головы сумасбродную идею, иначе они до нее не додумаются. Конечно, следовало ожидать, что кто-то из множества путешественников обязательно потеряет шляпу.

— Но, мисс Трилистник, чем привлекли их наши поля и кукурузные стебли? Если образы приходят к ним при полнолунии, то у них дома что ли полнолуния не бывает?»

Същица кивнула:

— Это хороший вопрос. Однако не образы приходят к художникам, а наоборот: художники — к образам. Ваша кукуруза — это их холст. Ваша богатая, плодородная земля видоизменялась в течение многих столетий. Окислы железа разлагались в интенсивных магнитных полях.

Мыши не создавали рисунков, но угадали их чутьем. При помощи своего масла они освободили кукурузные стебли, и те образовали рисунок, повинувшись электрическим разрядам далекого прошлого.

Снова вопрос из аудитории:

— Как мыши могли узнать о существовании рисунков, мисс Трилистник, если *мы* никогда не догадывались, что они у нас есть?

— Но это мыши-художники, — ответила същица. — Они чувствуют малейшие токи, чего мы, остальные, чувствовать не можем. Посмотрите на бабочек, которые перелетают с места на место; их побуждения неведомы им самим. Но эти чуткие создания приземляются на ваших полях, потому что здесь — произведения искусства.

— Но постойте, ведь там могут быть и другие рисунки, еще не найденные!

— Да, весьма возможно.

— Мисс Трилистник, а что они означают? Юная същица нахмурилась:

— Вы попросили меня разгадать тайну появления рисунков на ваших полях, — возразила она. — Сказать, что заставляет стебли ложиться определенным образом, кто побывал на полях и почему. Значение рисунков — это совсем другая тайна, и я ее еще не раскрыла. Но клянусь кончиком хвоста, кое-какие соображения у меня есть. Подозреваю, что рисунки — это послания древних с целью напомнить нам о чем-то крайне важном.

— Напомнить нам?

— Что говорят хорьки-философы? *Мы знаем лишь то, что уже известно. Ничто не узнается вновь, все только вспоминается.*

Из середины толпы спросили:

— Есть ли доказательства правильности вашей гипотезы о том, что мыши-художники — из Парижа? Допустим, вы правы насчет левого берега, но почему именно Сены? Ваши аргументы несколько притянуты за уши...

Картина, которая пронеслась в сознании, пока Трилистник, закрыв глаза, держала в лапах беретик, была свежа в памяти. Будто она очутилась в другом месте — в доме, который был студией мышей-художников, а его хозяин во французском кепи — их лидером.

«*Мы ничего не придумываем, — объяснял он художникам, пока они складывали свои кисти и банки с льняным маслом в потрепанные ранцы. — Мы открываем! Освобождаем спрятанные*

от глаз произведения искусства!»

В своем воображении Трилистник прибыла вместе с художниками на поля, раскинувшиеся за спящей хоречьей деревней, и видела, как искусно мыши орудуют кистями и как падают в изнеможении кукурузные стебли под лунным светом, чтобы зарядиться энергией, освобожденной после многих веков покоя.

Но хорьки-фермеры ждали доказательств.

— Вы правы, — произнесла сыщица. — Как можем *мы* быть уверены, что мыши прибыли из Парижа? Если обследовать берега речушек слева от рисунков, появившихся на полях, можно найти подземные входы, ведущие в помещения для художников. Там осталось множество отпечатков лап и кое-что еще, например, это...

Она взяла в лапы клочок цветной бумаги и прочла по-французски:

— *Chemin de fer de Paris à Londres, tout ensemble.*

Сыщица разъяснила:

— Это, джентльфериты, групповой экскурсионный железнодорожный билет на вечерний поезд Париж—Лондон. Дата соответствует дню появления последнего рисунка.

— А это не совпадение? — спросил кто-то. — Можно ли быть уверенным?

— Какое отношение имеют рисунки к нашему урожаю? — спросил другой. — Как вы догадались, что этот год был для нас благоприятен?

— Позвольте ответить на оба вопроса сразу, — сказала мисс Трилистник. — Совпадение? Но разве причина вашего благополучия — не тайна для вас?

Она легонько постучала по крышке плетеного ящика, стоявшего посередине сцены, потом сняла ее и положила рядом.

Щурясь от света, с крошечного шезлонга, стоящего рядом со столиком, на котором лежали куски свежеспеченного хлеба и сыра камамбер, поднялся представитель вида *европейская мышь-полевка*. У него были коричневые усы, одет он был в щегольскую шейный платок из воздушного шелка и черный фетровый беретик, о котором уже шла речь. Трилистник протянула малютке микрофон.

— *Bonjour mes amis* ^[1] — пропищал крохотный художник. — Это хороший вопрос — насчет вашего урожая.

Аудитория замерла. Трилистник могла просто объяснить разгадку. Никто от нее и не требовал представлять главное действующее лицо.

— Мы... как это сказать по вашему... *la lune*... мы становимся... лунатиками, *одержимыми* в некоторые ночи, когда луна полная. Не бойтесь — совсем не злыми.

Ни звука из словно громом пораженной аудитории, только глазищи перебегали с мисс Трилистник на мышь и обратно.

Представитель грызунов посмотрел на сыщицу, потом — на хорьков-фермеров:

— Мы никогда бы не приехали и не стали здесь работать, — произнес он, — если бы рисунки из кукурузы не просто удивили вас, но принесли бы вам хоть малейший вред.

Снова стало тихо. Не услышав больше вопросов, зверек протянул лапу к сыру и отщипнул кусочек.

— Ура мышам! — крикнул один из фермеров. — Давайте пригласим их теперь в гости, купим билеты в вагон первого класса и устроим выставку их полотен на площади!

При этих словах мышь положила еду на столик, сдернула беретик и отвесила присутствующим изысканный поклон, почти коснувшись носом дна коробки.

Собрание закончилось громкими аплодисментами и возгласами одобрения в адрес художников и, конечно, сыщицы, мисс Трилистник, которая полностью выполнила контракт и раскрыла тайну.

Но по пути домой, когда хоречий поезд вынырнул из темноты туннеля на дневной свет, Трилистник вновь охватило неутоленное любопытство:
«Что означали рисунки?»

Хорек Норки возвратился в город чуть позже мисс Трилистник. Всю дорогу он с восхищением думал о ее мастерстве в Деле о Таинственных Рисунках.

Не переставая следить за поворотами автострады, он различил сквозь ветровое стекло своего «Остин-Фьюррета» промелькнувший дорожный знак:

*«Пожалуйста,
соблюдайте скорость,
безопасную
при данных условиях».*

Норки включил магнитофон на панели автомобиля.

— Наша юная сыщица не только раскрыла эту тайну, — произнес он в микрофон, — но, как и Дело о Летящем Дельфине и Дело о Большой Охапке Цветов, раскрыла быстро, за один день.

Конечно, испытания следует продолжить, но, думается мне, она — сильный кандидат.

— Известите N. и S., — добавил он, — и, немного подумав: — ...и ZZ.

Норки выключил магнитофон и подумал:

«Что случилось бы с нашей цивилизацией, не будь образцов для подражания?»

С самого своего рождения Хорьчиха Трилистник была окружена вопросами.

«Посмотри на пузырьки, Трили! — говаривала мама, купая ее. — Почему они круглые, а не квадратные? Почему они не тонут в воде?»

«Почему небо меняет цвет, Трили? Куда деваются звезды днем? Сколько весят облака?»

«Хелло, Трили, — приветствовал ее отец по утрам. — Мы и вправду проснулись или завтрак нам снится? И вообще, почему мы спим?»

Родительские вопросы всегда начинались с «почему», и Трили любила придумывать объяснения, если она их не знала. Вопросы вызывали легкое беспокойство, но и ответы не успокаивали, а заставляли думать.

С самого начала родители превращали тренировку в игру:

«Этот шарф носил некий хорек, — говорили ей. — Возьми шарф в лапы, закрой глаза и опиши нам его хозяина».

И она училась видеть с закрытыми глазами, постепенно обретая неистощимую любознательность и умение направлять ее по верному пути.

«Можешь поддержать в лапах коробку и сказать, откуда ее привезли?»

«Давай волю воображению, Трили. Если тебе нравится начало сказки, которую ты сочинишь, выдумывай дальше! Сказка может стать былью».

Вместо того чтобы ждать сложа лапы, пока вырастет, Трили с раннего детства оттачивала свой ум. Постоянная тренировка сделала ее *восприимчивой*. Никто не смеялся над ней; все хорьки подбадривали ее и радовались ее успехам.

Подрастая, Трилистник преуспела не только в психологии. Она уже разбиралась в логике, анализе, дедукции, криптографии, отпечатках. Иногда к родителям приходили гости и приносили малышке тысячи паззлов, а потом наблюдали, как она складывала их за считанные минуты, что-то напевая себе под нос. Гости качали головами и смущенно улыбались. Любую задачу на сообразительность Трили решала быстро, иногда несколькими способами.

В своей комнате она прикрепила к стене срисованную с фотографии вывеску знаменитой конторы: «*Мускат и Бергамот*» — в виде арки, золотыми буквами по черному стеклу, а пониже, на зеркале: «*Детективы*».

В особом ящике маленького письменного стола лежали вырезки из знаменитых дел Хорьчихи Мускат и собственные заметки Трили о способах расследования знаменитой сыщицы, шаг за шагом, а рядом — другой, ее собственный путь решения задачи.

В делах О Потерянной Звезде, О Наклонившейся Фабрике, О Тайном Даре Хорьчиха Мускат проявила такую блестящую интуицию и проницательность, что у Трили захватывало дух, будто при виде акробата на проволоке высоко над землей.

Изучая свою героиню, Трилистник узнала, что та родом из деревни на севере страны, у нее блестящий, цвета корицы мех и скромная, мягкая манера речи. Особым даром мисс Мускат было умение скрупулезно, шаг за шагом, разбираться в запутанных делах, обращая внимание на детали, которые кажутся совсем простыми.

«Итак, почему это могло случиться?» В свое время эта фраза стала расхожей для хорьков-детективов во всем мире. Озадаченные чем-либо, они, как эхо, повторяли: «*Итак, почему это могло случиться?*»

«Вот почему я хочу узнать как можно больше о Хорьчихе Мускат, — писала Трили в своих записках, озаглавленных «Дело о моей любимой сыщице». — Я хочу достичь ее уровня. Она не пропускает ничего: ни фотографии в журнале, ни телевизионного интервью. И смысл

увиденного понимает мгновенно. Думая о ней, понимаешь: все в мире имеет значение».

Быть такой, как Мускат, стало главной целью малютки Трили. Она твердо решила, что будет сыщицей, и величайшим счастьем для нее стало обдумывать, исследовать, делать тайное явным. Оставаясь одна, она шептала: «Когда-нибудь я буду такая, как Мускат».

Однажды в дверь постучал хорек-торговец, рослый, со светлой маской и слегка неряшливый, будто его мех нарочно расчесывали в разных направлениях. Он предложил кипу разных брошюр и один том энциклопедии под названием «*Со всех лап — к знаниям*».

Извинившись перед родителями Трили за то, что отнимает время, продавец сел на предложенное ему место и возвестил:

«Весь мир исследований на одной полке! Все, о чем хочет знать щенок. Даже не такая умная малышка, как ваша, найдет здесь абсолютно все обо всем. С этой книгой для нее не останется нераскрытых тайн!»

Услышав такое, родители Трили остро глянули на торговца. Что это было? Случайный набор фраз? Или этот крупный хорек догадался о страсти их щенка к неизведанному?

Хорек-пришелец протянул книгу (*Том 23. Статуи первобытные. — Танцы народов мира*) младшей из присутствующих: «Откройте на любой странице, мисс Трилистник».

По удивительному совпадению, открылась такая страница: *Тайны мира, великие*. Трили, пробежав полстраницы глазами, стала читать с новой строки:

Аква-пчелы;

Алфавит древней Ферры;

Аэроплан, неопознанный;

Аква-пчелы (водные пчелы) — обнаружены только в Горностаевом озере, недалеко от дворца «Мустелания». Предполагают, что водные пчелы гнездятся под водой. Поднимаясь на поверхность, летают, чтобы опылять растения неизвестных видов во дворце или около него. Затем возвращаются под воду. Все попытки исследования водных пчел заканчивались бедой: разрушением жилища или здоровья исследователя, поэтому об этих редких существах известно так мало. Местная легенда, однако...

Известно так мало... Нет в мире фразы, более притягательной для Трили-щенка. Она прижала к себе огромный том величиной с половину ее роста.

«О, пожалуйста, — умоляла малышка, — мама, папа, здесь так много неизвестного! Слышали вы когда-нибудь о дворце, в котором летают водные пчелы?»

Родители переглянулись, потом посмотрели на торговца. Цена тридцати томов энциклопедии «*Со всех лап — к знаниям*» намного превышала скромный домашний бюджет.

Когда посетитель ушел, родители напомнили Трили: «Рядом музей, библиотека...»

«Но я не смогу прыгать от одного к... Папа, я понимаю: мы не можем купить *все тридцать томов!*»

«*Не можем*, — заметил отец, — это сильные слова, Трили...»

«Прости, папочка, но зато мы можем купить сразу три тома из десяти томного издания «*Со всех лап — к знаниям*» для щенков, с простыми словами и понятиями».

Трили не спросила родителей, откуда хорек-торговец узнал ее имя и зачем он забелил мелом свою маску. И не призналась потом, что, как она проверила, он не зашел больше ни к кому из соседей и вообще ни в один дом в их квартале.

Что сказала бы по этому поводу Хорьчиха Мускат? Сначала она подумала бы как всегда: *Почему случилось именно так?*

Хотя на этот раз Трили не смогла самостоятельно решить эту задачу, она не склонна была искать простых ответов.

Однажды в полдень, когда Трили тащила из библиотеки три тома «*Знаний*» (с четвертого по

шестой), она еще издали увидела на пороге своего дома тяжелый деревянный ящик. Зная, что родители никогда не оставляют на пороге ненужных предметов, она поняла, что кто-то принес ящик и ушел, не позвонив в дверь.

Почему он так поступил? — Потому, что не захотел быть узнанным.

Остаток пути она неслась бегом.

На ящике не было ни обратного адреса, ни клейма о доставке. При помощи спрятанной в кармане шарфа лупы Трили заключила, что ящик был выгружен из закрытой машины и доставлен к их порогу на лапной колесной тележке красного цвета. Черными чернилами на ящике было выведено: «Хорьчихе Трилистник».

Как только Трили закончила осмотр ящика, входная дверь отворилась.

«Хелло, — приветствовал ее отец, — что это тут?»

Он еще не успел вскрыть ящик, а дочка уже все знала. Это были все тридцать томов энциклопедии «Со всех лап — к знаниям».

Ни родные, ни друзья не удивились, когда увлечение Трили стало профессией. Пришло время, когда юная хорьчиха открыла контору с вывеской

«Хорьчиха Трилистник, детектив».

Контора помещалась в маленькой комнате ее квартиры на Блессингторп лэйн, 7, на окраине города.

Оглядываясь на прошлое, ее соседи говорили:

«Мы всегда знали, что так будет. Малышка — прелестное создание, вдумчивое и доброе. Никогда ее семья не была богата, но Трили — это бриллиант! Любую тайну может раскрыть».

Соседи Трили не знали, что задолго до того, как она раскрыла тайны Дела о Таинственных Рисунках и Дела о Летающем Дельфине, и даже перед тем, как она открыла свою контору, за Хорьчихой Трилистник кто-то постоянно наблюдал.

Музей Древних Времен всегда был притягателен для Трилистник. В старинных вещах таилось очарование. Древние орудия труда, инструменты и посуда в зале предметов материальной культуры, лодки и повозки в зале путешествий. Теперь ум сыщицы постоянно занимали рисунки на кукурузных полях — их тайна уводила в глубь веков.

В тот день Трилистник вошла в недавно открытый зал живописи. Высокие окна прорезали стены, облицованные белым мрамором. Погруженная в размышления, она двигалась в толпе посетителей вдоль картин, расположенных в хронологическом порядке. Вначале внимание сыщицы привлекло изображение хоречьего торгового судна, груженного, по-видимому, шелками и пряностями. Флаг полощется на ветру, алые паруса на фоне синего моря и синего неба. Живопись настолько тонкая, что легко было различить маски и усики у хорька-рулевого и матросов.

Далее на пути хорьчихи оказались катакомбы исчезнувшего города, где она ощутила себя Феретимой в собственном дворце.

«Изображения ведут в глубь веков, — думала Трилистник. — Разгадав их значение, не разрешу ли я загадку нашего собственного происхождения?»

Последний на выставке — простой холст. Серебристо-синяя ваза с бледными цветами на подоконнике овального окна. За окном виден гобелен с маленькими, как точки, танцующими фигурками.

Подпись под деревянной рамой: *Цветы. Самое древнее из известных произведений хоречьей живописи.*

Трилистник, обтекаемая толпой посетителей, помедлила у картины. Как может столь древний холст быть таким знакомым? Нежные цветы, выписанные в тончайших деталях, она знала как *Dodecation Furetii* — падающие звезды. Их было много в окрестных парках и полях.

Сыщица пристально рассматривала картину. Где-то она уже видела эту вазу. Только вот где?

Удивительная память подсказывала догадки. В витрине «Дома меха»? — предположила Трили. Нет. В магазине редкостей, мимо которого недавно проходила? Где этот магазин? Постойте... Так много витрин...

Пока память лихорадочно искала ответ, Трилистник изучала картину, вертя головой, чтобы увидеть вазу в разных ракурсах.

И... не смогла вспомнить. «Извините, мы не знаем, где видели вазу. Но терпение! Мы вспомним».

Сыщица вздохнула, покачала головой. Потом вышла из музея и направилась к дому, охваченная чувством, что она пытается вспомнить свое будущее, что эта картина имеет для нее особое значение, которого она пока не в силах оценить.

Могло ли то, что произошло сегодня, быть случайным совпадением? Ей подумалось, что она уже когда-то смотрела на эту картину, а сегодня все только повторилось. Трили покачала головой. Нет, случившееся сегодня не может быть совпадением. То, что кажется случайным, всегда отвечает на ранее поставленный вопрос.

Что означают рисунки на полях?

Когда Трилистник повернула ручку своей двери, на порог упала визитная карточка. Подняв ее, сыщица прочла:

Хорек Норки

Мускат и Бергамот

— Не угодно ли чаю, мисс Трилистник?

— Благодарю вас, не беспокойтесь, мистер Норки.

— Никакого беспокойства, мэм. Чай готов.

Хорек Норки поставил перед ней на столик чайный прибор и налил в чашку черносмородинный мандалайский чай. Подлил меда из кувшинчика. Бросил веточку мяты, веточку липы.

— Прошу вас, мэм.

— Спасибо.

Трили почувствовала, что чаепитие сближает ее с новым знакомым.

Известный детектив, Норки оказался гостеприимным хозяином. Казалось, только вчера оставил он Трили визитную карточку, а уже успел стать близким и необходимым.

Рослый хорек, с темной маской и мехом цвета махагона, он считался в кругу детективов гением деталей. В ходе беседы Трили отметила его талант к дедукции и большой опыт в искусстве сыска. До недавнего времени Норки работал в конторе *Мускат и Бергамот*, потом попробовал открыть собственную практику. Теперь он предлагал Хорьчихе Трилистник свою помощь.

— Мне кажется, я лучше работаю в команде, чем в одиночку, мисс Трилистник, — сказал Норки, когда Трили прочла его резюме. — Я следил за вашими расследованиями и искренне восхищен вашим мастерством. Если вы окажете честь опробовать меня в качестве своего помощника, надеюсь, я сумею освободить вас от работы с деталями.

Трили внимательно наблюдала за Норки. Ей нравилась его скромность, естественность поведения и манера держаться в тени. Вместе с тем было в нем что-то притягательное, как в звезде над головой.

— Моя специализация — мелкие случаи, — говорил между тем Норки. — Великие тайны — это для вас (простите мне мою наблюдательность). Мне нравятся дискуссии и анализ. Умею ставить вопросы. Мы можем составить неплохую команду.

В течение последних нескольких недель Хорьчиха Трилистник находилась под впечатлением нового знакомства. Ум и манеры Норки так нравились ей, что сегодня она поставила вопрос сама. Достав из ящика стола визитную карточку, она протянула ее собеседнику:

— Будьте любезны, взгляните, мистер Норки. Что вы думаете об этом?

Хорек Норки внимательно осмотрел карточку, перевернул ее. Она была тем, чем и казалась, — обыкновенной визитной карточкой. Поразила его надпись:

Хорек Норки

Трилистник и Норки

Детективы

— Мисс Трилистник, это едва ли необходимо. Я хотел бы стать вашим помощником и не мечтаю о партнерстве.

— О, мистер Норки, вы уже мой партнер. Удивлена, что при ваших достоинствах вы не были компаньоном в фирме *Мускат и Бергамот*.

— На самом деле, мисс Трилистник...

— Прошу вас, прекратим дискуссию, мистер Норки, и так все ясно. Отныне вы — мой партнер, если вы этого хотите. Мне кажется, мы оба выиграем от сотрудничества. Но если у вас есть возражения, не буду настаивать.

— Благодарю за доверие, мисс Трилистник. Принимаю честь и ответственность быть вашим компаньоном.

К великому облегчению молодой сыщицы новый компаньон взял на себя все посреднические функции, освободив ее от рутинных обязанностей: Интервью, Анализа, Проверки и Корректировки показаний.

ИАПК — основа сыщицкого дела. В излишнем рвении надавить на опрашиваемого и удовлетворить как можно скорее свое любопытство неопытный детектив, как правило, не заботится о доказательствах и отдает интервью в печать. Чем более интересной и интригующей представляется история, тем менее она похожа на правду и тем более нуждается в проверке.

В первую очередь, читатель газет хочет занятой информации, и только во вторую — желает знать правду.

Если хорек-сыщик зарабатывает на жизнь, публикуя непроверенные заключения, его имя попадает в газетную рубрику *«Не совсем так»*.

Вот пример. В утренних газетах появилась заметка под заглавием: *Хорек Стилтон рискует жизнью, спасая щенячью игрушку от снежной лавины.*

Не успела газета наводнить уличные киоски, в офисе раздался звонок. Норки снял трубку:

— *Трилистник и Норки*, к вашим услугам. Какое-то время он слушал.

— Понимаю. Конечно, мы сможем. Норки записал что-то в блокнот.

— Будет сделано, мисс Айвет. Благодарим за доверие.

Трили подняла глаза от дела, которое изучала, и сверилась с невидимыми часами... Как мог хорек исчезнуть из своей городской квартиры и объявиться на другом конце континента, не помня ни причин, ни обстоятельств своего путешествия?

— Что-нибудь интересное, мистер Норки?

— О да, мэм, весьма интересное. Звонят акционеры корпорации «Пуш-ТВ» по поводу заметки в утренних газетах о спасении игрушки. Они сомневаются в том, что один из богатейших в мире хорьков был настолько безрассуден, что рисковал жизнью и будущим своей компании ради спасения набитой опилками игрушки. Просят проверить.

Тень улыбки. Трилистник анализирует ситуацию мгновенно.

— Хорек Стилтон вынес игрушку из обвала?

— Да, это так.

— Хорек Стилтон рисковал при этом жизнью или нет?

— Стилтон видел, что щениха уронила своего пингвина в снег, когда прозвучало предупреждение о лавине. Он достал и вернул малютке игрушку. Лавина сошла на следующий день. Я подтверждаю это на основании показаний щенихи, ее родителей и метеослужбы. Наша корректировка гласит: пингвин спасен, крошка Элайза счастлива, Стилтон жизнью не рисковал.

Его собеседница кивнула:

— Благодарю вас, мистер Норки.

Однако Трили была в недоумении: почему крупнейшая в мире корпорация звонит по поводу такой существенной корректировки в самое маленькое детективное агентство?

— Рад служить, мисс Трилистник.

Он дотронулся до цветка на своем столе, долил воды в вазу. Трили замерла.

Музей! Она видела вазу, изображенную на старом холсте, в музее!

Но музей огромный, несколько кварталов под одной крышей. *Где именно в музее?*

Где? Где? Напряженно работала память. Всё, вспомнила: в том же здании, где картинная галерея, на другом этаже.

Трили влетела в музей Древних Времен уже в сумерках, пробежала зал живописи и остановилась, переводя дыхание, перед картиной, так поразившей ее накануне.

Картина ждала, взывала к ее памяти, как живая пантомима. Молодая хорьчиха вздохнула. Она чувствовала: разгадка где-то рядом, почти у нее в лапах.

Солнце закатилось, и свет, льющийся из окон, понемногу угасал. Трили, не отрывая глаз от доисторической картины, плела свою сыщицкую сеть в ожидании момента, когда ключ к разгадке упадет ей в лапы.

Тьма за окнами сгущалась. Тень упала на гобелен с танцующими фигурками-точками позади вазы. Через несколько минут Трили показалось, что гобелен темнеет под стать небу.

Сыщица мигнула и уставилась на холст. Шерсть на ее хвосте встала дыбом.

— Это не гобелен позади вазы, — сверкнуло в мозгу, — это ночное небо! И не танцующие фигурки на темном фоне, а звезды! Это Мустелла, созвездие Великой Хорьчихи. И овальная рама — не деревенское окно, а иллюминатор космического корабля!

Лапа метнулась к карману за лупой. Трили шагнула к холсту, фокусируя линзы. И увидела не только трещины на древней краске, но и слабо различимые сварочные швы, связавшие воедино овальную раму.

Миллионы хорьков-посетителей музея смотрели на картину, но только Хорьчиха Трилистник поняла, что на ней изображено. Улыбка неизвестного художника, посланная сквозь века: цветы — это метеоры, падающие звезды, дорогой зритель, а танцующие точки — их дом, звездное небо.

Столетия, — подумала Трилистник, — ответ был на виду, только взглядишь.

Но ваза, ваза...

И вдруг сверкнуло воспоминание. Как она могла забыть? Зал древней материальной культуры. Четвертый этаж. Там стояли вазы, привлечшие ее внимание. Теперь надо было найти ту, единственную...

— Четвертый этаж! — громко произнесла Трили и кинулась мимо поздних посетителей в зал материальной культуры. Она едва дождалась, пока медленно поднимающийся лифт гостеприимно раскрыл перед ней двери.

Едва касаясь полированного мраморного пола, ее лапы летели по залу и остановились перед стеклянным ящиком, внутри которого стояла та самая ваза — ваза из картины, равнодушная к открытию Трилистник.

Высота вазы, примерно в лапу, позволяла судить о размерах изображенных на картине предметов. Получалось, что иллюминатор был высотой в три лапы, шириной — в две, а весь корабль оказался меньше, чем это считалось ранее. Судно, на котором прибыли на Землю первые хорьки, — заключила Трилистник, — не было гигантским. Оно было не больше парома!

На стеклянном ящике было написано: *Копии экспонатов можно получить из запасников. Если вы желаете получить на время оригинал, просьба вернуть его при первой возможности.*

Оставив свою визитную карточку, Трили пообещала вернуть вазу утром, притащила ее в квартиру и подвела итог. На вопрос, что означают рисунки на полях, картина дала ответ: *мы явились на Землю из космоса.*

«Неужели мир еще можно спасти, — подумал Аведой Мерек, — и остался ли хоть кто-нибудь, кто хочет спасти его?»

Хорек-философ обозревал остатки города через отверстие, которое еще недавно было окном его кабинета, а теперь стало зияющей зазубренной дырой в разрушенной стене этой скромной виллы. Повсюду валялись в беспорядке книги, картины и диски. Дым и пламя уходили за горизонт, туда, где догорал закат солнца Ферры.

«Мы защищались до последнего, — подумал хорек-философ, — но чуда так и не произошло».

Он опустился в свое Кресло Для Размышлений с обивкой, разорванной отвалившимися кусками штукатурки.

«Какое чудо может спасти нас теперь?»

Ответ был за пределами разума хорьков при всей их практичности, любознательности, чувстве юмора и страсти к приключениям.

«Как нам помочь себе?»

«Они просят меня поговорить с оставшимися в живых, как если бы...»

Он вздохнул, теряя надежду.

«Что могу я сказать? Как можно изменить ход истории после такой войны?»

Уже

слишком

поздно.

Хорьчиха Трилистник уселась в Кресло Нераскрытых Тайн и разгладила хвост, покоящийся сбоку. В лапах — та самая ваза из особого хоречьего металла, мерцающего голубым блеском. Глаза сыщицы закрыты, она не старается что-либо понять, не напрягает память. И позволяет картине на холсте завладеть своим воображением.

«Мне надо двигаться от вазы. Позволить истории произойти. Это было так...»

Трилистник увидела комнату, комфортабельную библиотеку. Великолепный вид из окна верхнего этажа, крыши домов, панорама столицы. И вдруг во всех рамках лопаются стекла. Валится мебель. Одна из стен рушится. До самого горизонта полыхает пламя. Город в развалинах.

Что это? Метеор, пронзивший планету? От ужасающей картины разрушений Трили содрогается в своем старом кресле. Ей хочется открыть глаза, чтобы этот кошмар *не случился*.

Но хорьчиха не открывает глаз. Потому что видит скрючившегося за разломанным столом маленького хорька, чуть больше ее самой. Видит его мех песочного цвета, с темными подпалинами.

Глаза хорька закрыты, но Трили читает его мысли.

Они в таком отчаянии, что просят меня сказать слово «городу и миру». Узника — стать спасителем. Но какие слова могут нас спасти? Я только хорек, и я знаю, что все мы обречены стать свидетелями конца нашей цивилизации. Уже слишком поздно.

В своем воображении Трили шагнула к нему. И он услышал звук ее шагов и открыл глаза.

— Кто...

— ...Вы? — спросили хорьки одновременно.

— Меня зовут Трилистник, — сказала хорьчиха. — Я из...

Она остановилась, не зная, как объяснить, откуда она.

Трили виделась хорьку мерцающей голограммой. Сквозь нее он различал пламя на горизонте. И все-таки она была живая. Явилась ли она из иной цивилизации, чтобы дать шанс спасти жизнь на его планете?

Он кивнул:

— Я последний представитель хоречьей цивилизации. Один из последних. Вы пришли, чтобы спасти нас от нас самих. Перед вами конец света и я — Аведой Мерек.

Трилистник моргнула, не веря своим ушам. «Аведой Мерек? Я нашла *Аведоя Мерек*?»

Он отвернулся, посмотрел сквозь рухнувшую стену:

— Ферра будет жить и дальше. Она останется и даже не заметит исчезновения маленькой цивилизации хорьков.

— Аведой Мерек! Сэр, вы не исчезнете, это не конец, ведь вы...

— Разве это было так трудно, — молвил тот, не слыша ее возражений, — быть всего лишь добрыми друг к другу? Почему хорьки стали единственными существами, отверженными и чьим-то проклятием обреченными на ненависть и противостояние?

Хорьчиха Трилистник стояла, пораженная бушующим вокруг них огнем.

— Это метеоры?

Философ покачал головой, озадаченный недогадливостью чужестранки.

— Нет, не метеоры, — хорек-философ дотронулся до своей груди. — Причина несчастья в

нас самих. Одна сторона думает: «Мы добрые, а вы злые». Но другая сторона уверена: «Нет, это не так; *это мы добрые, а вы злые!*»

Как может этот знаменитый хорек шутить в такой момент, когда все объято пламенем? Что тут смешного?

— *Злые хорьки?* Что вы хотите этим сказать, сэр? Аведой Мерек не услышал вопроса.

— Начав войну, каждая сторона считала, что сможет уничтожить другую, не причинив вреда себе и тем, кого они любят. Но это невозможно, — он пожал плечами. — Невозможно.

Хорек-философ вздохнул.

— По большому счету, это, конечно, не имеет значения — жить или умереть. Все мы бессмертны. Освобожденная от тела душа — такой же сон, как жизнь в теле. Но этот кошмар вокруг — не сон. Ведь мы были самыми веселыми существами во Вселенной! Как же могли мы выбрать этот ужасный путь уничтожения себя и своих щенков?

Трилистник почувствовала, что комната завертелась вокруг нее. Она наконец поняла.

— Война? — прошептала хорьчиха. — *Между хорьками?*

Аведой Мерек кивнул, пристально вглядываясь в собеседницу.

— Вы, наверное, из другого мира, не так ли?

Его поразило не столько само ее появление, сколько ее реакция на происходящее, состояние шока от всего услышанного и увиденного.

— Нет, — догадался хорек, — вы не из другого мира, вы из другого времени. Наше самоуничтожение не потрясло бы вас так сильно, явись вы из прошлого. Вы — из будущего.

— Да, — последовал ответ. — Нет... Это сон. Я вас вообразила.

— А может быть, я вас? И племя хорьков только вообразило свой конец? И наша братоубийственная война — только сон? — Он посмотрел на Трилистник с надеждой. — Не так ли?

— Сэр, я не могу поверить... — Она силилась объяснить очевидное, в замешательстве оттого, что этот умнейший хорек не может понять: *хорьки не воюют.*

— *Правила Этикета!* — воскликнула сыщица. — Аведой Мерек, ведь это вы их разработали! Как же может случиться война... Что произошло с *Правилами Этикета?*

Философ долго смотрел на нее, прежде чем заговорить.

— Что за правила?

Если бы какой-нибудь клиент вошел в офис Хорьчихи Трилистник, он застал бы ее спящей в Кресле Нераскрытых Тайн. Нос прикрыт лапой, рядом на столике — античная ваза, завернутая в теплый платок из собольей шерсти. Любой вошедший, увидев эту картину, остановился бы и, стараясь не дышать, на цыпочках вышел бы вон, тихо прикрыв за собой дверь.

Однако същица не спала. Погруженная в события из отдаленного прошлого хорьков, она дышала часто, неровно и находилась в состоянии, близком к трансу.

— «Что за правила?!» — вскричала Трили. — Аведой Мерек, это вы их написали! *Путь хорьков!* Правда, вы написали эту книгу так давно, что некоторые хорьки забыли и о вашем существовании, и о вашей книге.

Философ слабо улыбнулся.

— Моя дорогая странная гостя, думаю, вы явились не по тому адресу. *Путь хорьков* — несколько заметок, ничего более. Идея, тропинка, которая могла бы быть выбрана, но для...

Аведой показал лапой на дыру в стене, за которой ночь пылала огнем:

— Слишком поздно. Об этом некому будет написать. Пусть всё это сочтут фантазией.

Трилистник не сдавалась.

— Но разве вы не сбиты с толку? — спросила она. — Разве вас не удивляет, что я явилась перед вами из воздуха, явилась вашим видением о будущем, которая почему-то знает каждую строчку ненаписанной вами книги. Эта книга, по-вашему, лишь плод игры вашего ума? Может быть, — хорьчиха помедлила в поиске нужных слов, — война разрушила вашу любознательность, и я вправду пришла не по адресу, а вы — другой Аведой Мерек?

— Будущее... — хорек-философ будто впервые произнес это слово. — Если вы — мое будущее, то... — Он с удивлением посмотрел на Трили, — эта война не станет концом света!

Трилистник почувствовала, что напряжение спало.

— В мое время, сэр, мы *забыли* вашу войну! В мое время войны непредставимы. Благодаря вам. «*Путь хорьков*» так глубоко вошел в нашу культуру, что мы не способны воевать. Вы не помните? «*Для того, кто читает, любит и живет, "Путь хорьков" становится источником света, который облагораживает не только свой, но и другие, далекие миры!*»

— Вы создали цивилизацию по книге, которой я не писал. Это не мои идеи, я их не знаю. Как могу я их распространять?

— Очень просто, — ответила Трилистник устало, — о них вам расскажу я!

Хорек, сидящий за столом, уставился на нее, ошеломленный парадоксом. Затем, в первый раз с тех пор, как ракеты стали падать на Ферру, Аведой Мерек рассмеялся.

— Разве вы забыли, сэр?

Хорьчиха Трилистник стояла у развороченной стены. Она знала, что все это видит во сне, и не боялась высоты.

— Вы сказали, сэр, что это — не законы, а *Правила Этикета*, по которым хорьки могут жить, если захотят. Вы показали эти *Правила* тем, кого вы любите, а затем всем остальным, и эти *Правила*, написанные для одного, стали основой новой цивилизации...

Аведой Мерек писал на клочке обугленной бумаги, на языке древней Ферры, и слова эти были эхом его собственных слов, прочитанных многими давно ушедшими поколениями.

— ...миллионов, — прошептал он.

Трилистник замолчала, наблюдая за ним. Состояние пишущего хорька было похоже на транс.

«...Эти *Правила Этикета* станут для вас и всех, кто придет после вас, законами. Они поднимут вас над раздорами и разрушениями — сейчас и навеки».

Аведой Мерек уже не думал о том, что слишком поздно, что нет надежды, что один хорек бессилён спасти разрушенную планету. Буквы летели из-под его лап, ложась на бумагу готовым текстом знаменитых *Правил*.

Любое мое действие, которое может причинить вред другим, я должен вначале испытать на себе.

Я обязан относиться с той же мерой уважения и доброты к равным мне, старшим и щенкам, с какой я отношусь к самому себе.

Я утверждаю, что все свободны жить, думать и веровать так, как они хотят. В той же мере свободен и я.

Каждый мой день будет прожит и каждый выбор сделан ради высшей истины.

Трилистник молчала, очарованная значимостью знакомых фраз. Эти правила до такой степени вошли в плоть и кровь ее племени, что многие считали их не декларацией норм поведения, а самой природой хорьков, закрепленной в генетическом коде. Теперь, слово за словом, они возникали из-под пера Аведоя Мерека.

Хорек-философ посмотрел на Трили сияющими глазами.

— Да-да, — прошептал он, — вместо того чтобы тратить энергию на разрушение, мы используем ее для новых приключений. Вместо того чтобы направлять ракеты друг на друга, мы полетим в них к звездам!

Трили кивнула. Все встало на свои места. Мы прилетели на Землю из космоса. Древняя живопись и ваза, которая в данный момент находилась в ее офисе, были скорее предметами истории, чем искусства. А история начиналась от этого благородного хорька, сидящего сейчас перед ней.

— О вас ходят легенды. Правдивы ли они? — спросила Трилистник.

Философ улыбнулся. Легенды о таком скромном хорьке, как он?

— В архиве, — продолжала Трили, — я нашла такую историю. Аведоя Мерека однажды спросили, как он поступит, зная, что будет атакован неизвестными воинами.

— О, воинами? И что он ответил?

— «Я умру».

Он засмеялся:

— Молодец я. Наконец-то я понял, как остановить войны.

— Это правда?

— Нет.

«Где же истина? — думала Трили. — Если каждое благородное и доброе существо откажется бороться, доброта и благородство погибнут прежде завоевателей. И в конце концов останется только злобное меньшинство, которое будет скрежетать зубами от ненависти среди руин, в которые превратится планета.

— Ведь вы изменили мир, — воскликнула маленькая сыщица, — знаете ли вы это? Почувствовали, пока писали?

Поглощенный своими мыслями, хорек-философ произнес шепотом:

— Я ничего не менял, мисс Трилистник. Хорьки изменятся, когда сами поймут, что новый образ мыслей сделает их счастливее. Только так. Мы слишком упрямы. Я пишу, чтобы изменить себя.

Трилистник почувствовала, что ее дух больше не нужен здесь. Она напомнила Хорьку Аведою о написанных им ранее *Правилах Этикета*, и он вновь написал их для своих современников.

Она проснулась в своем Кресле Нераскрытых Тайн и сразу взялась за блокнот.

Ее виртуальное путешествие помогло найти ключ к тому моменту, который изменил судьбу хоречьей цивилизации. Не природа хорьков и не генетический код. Когда-то очень давно мы изменили наше сознание и сказали «нет» насилию. И причиной этому были *Правила Этикета*.

Возникло ли все это лишь в ее воображении или это и есть история их цивилизации?

— Не хотите ли чаю, мисс Трилистник?

— О да, благодарю вас, мистер Норки.

Он принес чайный прибор, налил ей мандалайского чаю и добавил меда.

— Трудное дело?

Същица кивнула, и он не стал мешать процессу дедукции. *Правила Этикета* всецело владели Хорьком Норки. Он почувствовал в кивке Трили, как глубоко ее тронуло внимание компаньона и как она была рада его молчаливому присутствию.

Трили прихлебывала чай, уставившись на бахрому ковра.

— Мистер Норки, — позвала она.

Норки появился мгновенно.

— Да, мисс Трилистник?

— Мне нужна ваша помощь.

— Я к вашим услугам.

Пушистый хорек уселся рядом в Кресло Раскрытых Тайн и замер.

Трилистник долго думала, как начать. Ее партнер молчал.

— Я видела Аведоя Мерека и хоречью войну, — произнесла наконец същица. — Я видела, как он писал *Правила Этикета*.

Норки ничего не ответил.

— Мне нужна ваша помощь. — Для хорьков это означает: «Пожалуйста, слушайте». Не комментируйте, не стройте предположений, не обсуждайте. Только слушайте.

— Видение прошлого — не доказательство. Как могу я знать, что это было на самом деле?

Ее партнер слушал.

— Война между хорьками, мистер Норки? Невероятно! Мы достаточно разумны, и нам не надо проходить сквозь ад, чтобы научиться доброте.

Долгая минута молчания.

— И все же, если там была война и хорьки пережили ее, мы должны об этом знать. Если бы я могла доказать, что у них был выбор...

Норки слушал.

— Никто не воюет с друзьями, — рассуждала Трилистник. — В определенный момент мы решили: все хорьки — друзья. «Мы-и-они» превратилось в «Мы».

Долгое молчание. Глаза Трилистник закрыты.

— Но если к этому решению пришли не постепенно, в течение миллиона лет, а в ту минуту, когда на моих глазах Аведой Мерек взял в лапу перо... значит, тут ни при чем какая-то глупая генетика, мистер Норки, это была идея одного-единственного существа!

Норки кивнул, но Трилистник этого не увидела.

— Если это правда, если такова власть лишь одной личности и ее идеи, — продолжала она, — сколько же невидимых стен и неведомых препятствий только и ждет нашего пробуждения?

Слышно, как тикают часы.

— Доказательства, мистер Норки! Я все видела и ничего не могу доказать. Была ли я свидетельницей благородного поступка, изменившего ход истории, или это плод моей фантазии?

Трили наконец повернулась к компаньону и повторила главное слово: «Доказательства!»

Он молчал.

— Я закончила, мистер Норки. Благодарю за помощь. Компаньон поднял лапу и разгладил

усы.

— Большая честь слушать, вас, мисс Трилистник. У вас выдающийся ум.

Он поднялся и неслышно, на подушечках лап подошел к своему столу.

— Ваши комментарии, мистер Норки. В чем слабость моих рассуждений?

Норки поднял чашку с остывшим чаем.

— Ваша интуиция, мисс Трилистник, на уровне провидения. Насколько я знаю, ваши предчувствия всегда подтверждались.

— До сих пор — да.

— Бесспорно, здесь мы имеем дело с парадоксом. Если мы, прибыв в прошлое, напоминаем автору об идеях, которых он ранее не записал, то чьи это идеи: автора или наши?

— Его, конечно. Он жил в другом мире.

— Боюсь, я плохо разобрался с этой частью загадки, мисс Трилистник.

— Я рассказала ему о его собственных идеях. Наш мир вышел из того мира, в котором он меня не видел. В том, своем мире он писал *Правила Этикета* сам, в другом — ему их напомнило видение.

Не одно-единственное прошлое и будущее, Норки. Много прошлых и много будущих. И никакого парадокса.

— Мне действительно надо в этом разобраться, — сказал Норки и моргнул. — В одном мире я буду изучать дело, в другом — не буду. А в каком я отложу изучение?

Трили кивнула торжественно.

— Каждое возможное изменение из всех вероятностных. Каждое решение отделяет Вселенную от того, чем она могла бы стать, не будь этого решения.

— Мне верится, мы находимся во Вселенной, где мисс Трилистник раскрывает великую тайну нашего происхождения.

Она взглянула на партнера и, уловив огонек в его глазах, рассмеялась.

— Надеюсь, в одной из вселенных!

Трили протянула лапу к античной вазе, нежно до нее дотронулась. И закрыла глаза.

Трилистник увидела сцену, высокую круглую платформу, ярко освещенную среди окружающих ее сумерек. Перед платформой — аудитория с креслами, одно из которых оставлено для нее. За сценой — зал заседаний Совета.

В верхней части стены из темного дерева — выполненная из серебра карта планеты Ферра. Под ней — грубое изображение двуглавого существа, крылатого змея изумрудно-зеленого цвета. В одной клешне чудовища — пучок молний, в другой — стрелы.

Под изображением змея — большой круглый стол. Вокруг стола — девять кресел для правителей. В четырех из них восседали хорьки. Они отличались друг от друга цветом своих щубок и масок, но выражения их мордочек были одинаково неприятными. На каждом хорьке — черный шарф с эмблемой, изображающей изумрудного змея.

Трилистник осматривала пустые места около ее кресла, когда в зал вошел Аведой Мерек. Он прошел между рядами зрительного зала, поднялся на сцену и спокойно стал в центре в своем белом шарфе, сколотом у горла эмблемой змея.

«Ничем не примечательная фигура, — подумала Трили — ни чеканных черт, ни понижающего взгляда». И вместе с тем от него исходила огромная магнетическая энергия.

Последние представители хоречьей цивилизации наблюдали из зрительного зала, как философ предстал перед камерами и уцелевшими членами национального Совета.

— Прошу прощения, если моя сегодняшняя речь не будет слишком красноречивой или занимательной, — начал Аведой Мерек. — Я буду немногословен. Возможно, передо мной — большинство из тех, кто выжил.

Он оглядел четырех из девяти лидеров и камеры позади них, по одной в каждом углу зала.
— С этого дня и впредь навсегда... — произнес философ и после долгой паузы объявил: — Я отрекаюсь от зла.

Его слова были услышаны в залах, домах и местах скопления людей.
Я отрекаюсь от зла. В обычное время это заявление могло бы показаться головоломкой, игрой слов. Однако сегодня Аведой Мерек стал голосом цивилизованного сознания, сильным и громким, и хорьки его слушали.

— Я отрекаюсь от войн.
Сказанные негромко, его слова звучали убедительно.
— Я отрекаюсь от насилия и зла. От ненависти.

Его голос проникал в душу каждого оставшегося в живых.
— Я отрекаюсь от всего этого в моих действиях. В моих мыслях. Это мой выбор.
Он отстегнул эмблему змея, которой был сколот его шарф, и отбросил ее.
— Я отрекаюсь от зла. Навсегда.

Ранее на карте континента появлялись блики в знак протеста тех, кто желал обсуждения и объяснений вместо патриотических выкриков. Теперь, после того что случилось, карта была темна.

Сообщество хорьков, у которого хватило воли и силы для саморазрушения, ошеломленно слушало слова оратора, думая о том, сумеет ли оно жить по-новому.

— У нас есть только один шанс спасти самих себя и наше будущее. Только один путь. Самый простой, каким бы он ни казался невероятным.

Смотря на Аведоя Мерека, некоторые хорьки заметили сияние вокруг головы этого благородного создания, некогда заключенного в тюрьму за антивоенные выступления. Сердца некоторых слушателей почувствовали проблеск надежды во мраке.

— Я хочу спросить: кому разрушения доставили радость? Кто счастлив от того, что произошло?

Радость? Руины до сих пор дымились вокруг хорьков. *Счастливы?*

В этот момент изображение померкло, и Трилистник проснулась в своем Кресле Нераскрытых Тайн.

Она вздрогнула, стараясь стряхнуть с себя наваждение образов былой эпохи. Осторожно поставила вазу из синего металла на столик около кресла.

«Аведой Мерек сказал правду, — подумала Трили. — Мир был на грани гибели, и только он поднялся против зла и насилия».

«А если бы я попала в другой момент прошлого, — думала она, — например, в период обледенения Ферры? Ведь и так могло быть».

Трилистник протерла глаза, поерзала тревожно в своем кресле.

Он звал нас к нашей высшей истине.

Другое прошлое, может быть. Но есть ли сегодня свидетельства о существовании насилия в прошлом? Трили вздрогнула. История таких свидетельств не дает.

А может быть, хорьки всегда были добрыми и учтивыми? Всегда были деятельны, любили приключения и выбирали те дороги, где требовались риск и отвага?

Однако Трилистник была потрясена тем, что увидела в прошлом. Именно война потрясла ее. Это она, Трили, стояла в разрушенном доме Аведоя Мерека, и это ее сердце было опалено бушующим вокруг огнем, предвещавшим гибель цивилизации.

Ваза стояла на столике, около ее кресла, будто наблюдая за ней и тихо удивляясь, зачем ей понадобилось знать то, о чем уже никто не помнит.

Либо История хорьков написана неверно, либо мрачные картины разрушения — ошибка моей фантазии, подумала Трилистник.

Я прикоснулась к тайне, не в силах ее разгадать.

Ни в одном из томов энциклопедии «*Со всех лап — к знаниям*», ни в одном древнем свитке и скрижали нет ни слова о войне между хорьками. Хорьки могут ошибаться, но они не могут лгать. Могло ли случиться, что История *забыла* о том, что когда-то произошло?

Пробили часы. Светало. Трили вспомнила, что обещала вернуть вазу в музей при первой возможности. Момент наступил. Она взяла вазу и поспешила в музей.

Было уже совсем светло, когда сыщица осторожно поставила вазу в стеклянный ящик, взяв обратно свою визитную карточку. Но изгнать из своего сознания мрачные картины разрушения, сожженные города, гибель молодых и стариков, — гибель щенят! — она не могла.

«Хорьки ничего не разрушают, — думала Трилистник, легко касаясь лапами утренних тротуаров и минуя спящие, никем не охраняемые магазины с незапертыми дверьми. — Мы не можем причинять боль, не можем разрушать. Даже выражение «*недобрый хорек*» вызывает улыбку. Каждый хорек уважает любого другого и живет по законам высшей истины. Это наша стезя».

Будь у Хорьчихи Трилистник другой характер, она бы, содрогнувшись, выбросила из головы ужасные картины разрушений и принялась анализировать другие дела, чтобы никогда больше не вспоминать об увиденном. Но для такой, как она, оставить тайну неразгаданной было немыслимо. Если существует тайна, она, Трили, должна ее раскрыть.

На прошлой неделе Хорьчиха Трилистник раскрыла Дело о Невидимых Часах. Это вызвало такой шквал публикаций в прессе, что Норки вынужден был вмешаться.

В своем сообщении он объяснил хорькам-журналистам, что, вопреки их домыслам, Хорьчиха Трилистник не занимается колдовством, что она — не фокусник-иллюзионист и не ясновидящая.

«Мисс Трилистник обладает выдающейся наблюдательностью и цепкой памятью. В своих расследованиях она сопоставляет различные возможности и применяет основные принципы дедукции, замечая при этом то, на что другие детективы могут не обратить внимания».

Все это было правдой. Но от Трили не ускользнуло возросшее внимание прессы к ее расследованиям с тех пор, как Норки стал ее компаньоном. Вначале она подумала, что совпадение случайно.

«Однако компания «Пуш-ТВ» могла бы обратиться к любому квалифицированному детективу, чтобы исправить ошибку в заголовке заметки», — думала Трили. Возможно, гигантская корпорация прислала Хорьку Норки свою визитную карточку и «спасенного» игрушечного пингвина не для того, чтобы создать рекламу Хорьчихе Трилистник, а просто в знак благодарности за избавление из неловкой ситуации. «Некоторая известность — это нормально, — подумала Трили. — Когда расследуешь тайны, не надо удивляться интересу пытливых умов».

Сейчас ум Хорьчихи Трилистник занимала гораздо более важная проблема, но никто не поручал ей эту проблему решать. Дело о Благородном Поступке. Правда ли, что один хорек изменил ход истории? А если это правда, то как это доказать?

Если бы кто-нибудь подсматривал за Трили в этот полдень, он бы не смог сдержать улыбки. В течение часа ее пушистое тельце лежало неподвижно — она крепко спала в своей спальне, расположенной над офисом. Затем в одно мгновение одеяло отлетело прочь.

Хорьчиха выпрыгнула из гамака и, непричесанная, с торчащей в разные стороны шерстью, на ходу застегивая шарф, кубарем скатилась с лестницы и — за дверь.

— Добрый день, мисс Трилистник, — успел вымолвить Норки, прежде чем дверь захлопнулась.

«Тайной покрыто не только время до того, как Аведой Мерек стоял перед камерами на планете Ферра, — думала Трилистник, пока бежала в музей, — тайной остается и то, что случилось после этого. И разгадка этой тайны таится в вазе!»

Задыхаясь от быстрого бега, она выскочила из лифта на четвертом этаже. Иногда лучше не думать. Так много уровней сознания...

Трили открыла дверцу стеклянной коробки и тут только заметила: вазы, ради которой она сюда бежала, за дверцей не было. На ее месте красовалась визитная карточка:

Хорьчиха Мускат

Мускат и Бергамот,

Детективы

Хорьчиха Трилистник склонилась над коробкой и прислушалась к тишине, грохотавшей в ее ушах. «Нет, — подумала сыщица, — тут что-то не так. Совпадения помогают нам, а не встают поперек пути. Как могло случиться, что ваза *исчезла*?»

Она спустилась на нижний этаж к лифту и вышла на улицу. Загадка осталась не менее реальной, чем город вокруг нее.

«Если совпадения помогают, как могло случиться, что знаменитейшая в мире сыщица взяла вазу именно в тот момент, когда эта ваза нужна мне?» Вопрос казался не таким уж важным, но ее внутренний наблюдатель был начеку, следя за ходом ее мыслей.

Знала ли Хорьчиха Мускат, что мне нужна ваза?

Думаю, да.

Она взяла вазу, чтобы помочь мне?

Думаю, да.

Как можно мне помочь, если вазы у меня нет?

Нет ответа.

Как я могу понять исчезновение вазы?

Нет ответа.

Опустив глаза, она посмотрела на тротуар и огорченно шмыгнула носом. Ее внутренний наблюдатель улыбнулся.

Если я что-то расследую, какое до этого дело Хорьчихе Мускат, с которой я, хоть и восхищаюсь ею, никогда не встречалась?

Потому что я влезла в ее дело. Зачем я влезла в ее дело? Вопрос поставлен неправильно.

Действует ли Мускат одна? Участвует ли в этом ее тень — Бергамот?

Вопрос поставлен неправильно.

Трили размышляла так: «Может статься, Норки знает правду, но было бы не этично с моей стороны спрашивать его о его бывших работодателях».

Она приняла решение: любое расследование я должна уметь довести до конца сама, без посторонней помощи.

Трили сосредоточилась и постаралась вернуться к исходной точке своих размышлений.

Зачем мне нужна ваза?

Потому, что она насыщена образами прошедших веков, и мне легче разгадывать эти образы, когда я держу вазу в лапах.

«Хороший ответ! — подумала Трили. — Дальше, думай дальше!»

Разве то, что я хочу узнать, вне меня? Нет.

Разве в пустой вазе содержатся знания, которые я ищу?

Нет!

Зачем же мне ваза?

Она помогает мне видеть то, что я уже знаю.

Почему мне нужна эта помощь?

Трили почувствовала, что расследование приближается к своему апогею. Разгадка не давалась в лапы: отскакивала вбок, бросалась в укрытие, однако недостаточно быстро. Быстрее молнии Трили поймала ее на лету, хлопнув лапами в воздухе. Та вздохнула и улыбнулась: «Хороший удар, Трили!»

Почему мне нужна помощь вазы? Бывает, если вы не взглянете с другого ракурса, вы не увидите вообще ничего.

Приблизившись к своему дому, Трили снова принялась бежать. Взлетев на крыльцо, она распахнула дверь. Ее партнер удивленно глянул на нее из-за своего стола.

Трилистник дрожала от возбуждения.

— Интересная идея эксперимента, мистер Норки! Описано в *Хоречьем Научном Журнале*. Два психологических теста: в одном усилием воли воздействуют на объект, держа его в лапах, в другом — на тот же объект, но в лапах держат *заменитель*. Какой тест точнее?»

Она швырнула шляпу и шарф мимо колышка, и те упали на пол. Перепрыгнув через всю комнату, водворила их на место:

— Что же вы молчите, мистер Норки?

— Я думаю, это одно и то же, мисс Трилистник. Но эксперимент интересный, клянусь усами! Дело в том, что информация, которую они хотят получить...

— ...зависит не от объекта, а от *усилия воли!*

И прыгнула головой вперед в Кресло Нераскрытых Тайн.

— Мистер Норки, принесите мне что-нибудь!

— Конечно, мисс Трилистник. Что именно?

— Да все равно. Что-нибудь, что я могу держать в лапах.

Партнер улыбнулся и передал ей того самого набитого опилками пингвина, присланного компанией «Пуш-ТВ».

Трили улыбнулась в ответ, радуясь его невозмутимости.

— Благодарю вас. Полагаю, теперь я могу ненадолго погрузиться в работу.

— Без сомнения, мисс Трилистник.

С этими словами Норки, вдумчивый, как всегда, пожелал ей удачного вечера и отбыл, в своем белом шарфе и твидовой шляпе. Трилистник слышала шуршанье его «Остин-Фьюррета», выезжавшего со двора. Она взяла в лапы пингвина, уселась поплотнее в свое кресло, расслабилась и закрыла глаза.

— Я держу в лапах античную вазу... — прошептала сыщица.

Сразу же возник первый образ: щенок хорька, весь черный от пыли, зажал в зубах пушистого шерстяного пингвина и тащит его в щенячий манеж.

Сыщица открыла глаза:

— Да-а...

«Три глубоких вдоха, — приказала себе Трили. — Расслабить тело и ум. Я — в палате советников...»

Пингвин нырнул в глубину и исчез. Вокруг Трили завихрилась тьма. «Не напрягай память, пусть образы явятся сами». Затем отчетливо и внезапно:

На освещенной сцене, перед оставшимися в живых членами Совета и хмурым взглядом двуглавого змея стоит пингвин. Трили шепнула что-то, и пингвин превратился в хорька песочной масти с черными подпалинами.

— Кому разрушения доставили радость? Кого случившееся сделало счастливым?

Аведой Мерек, стоя перед камерами, бросил в тишину эти вопросы.

— Если мы несчастливы, — медленно прозвучали никем не прерываемые слова, — если наш эксперимент не принес нам ничего, кроме боли, потерь и ужаса, имеем ли мы право когда-нибудь повторить его?

Ни звука в палате, ни одного проблеска на карте планеты Ферра. Все внимание уцелевших приковано к одной фигурке.

В этот момент в палату впорхнула тень пингвина, поднялась ввысь, крикнула, подобно чайке, и, разрезав тишину, нырнула за сцену.

— Нет, — без улыбки произнесла Трили, твердо решив наблюдать дальше, — *не прерывай...*

Пингвин исчез, эхом отозвался его крик.

— Я простой хорек, — сказал Аведой Мерек, — у меня больше вопросов, чем ответов. И вот главный вопрос: как сделать так, чтобы это не повторилось? Нет законов, нет правил.

Это должны быть *Правила Этикета*, и мы научимся жить по этим правилам. Мы возвестим их всем, кого мы любим, и не только им — всей цивилизации, будь то один хорек или миллионы.

Любое мое действие, которое может причинить вред другим, я должен вначале испытать на себе.

Я обязан относиться с той же мерой уважения и доброты к равным мне, старшим и щенкам, с какой я отношусь к самому себе.

Я утверждаю, что все свободны жить, думать и веровать так, как они желают. В той же мере свободен и я.

Каждый мой день будет прожит и каждый выбор сделан ради высшей истины.

Слова Аведоя Мерека не были ни требованием, ни криком о помощи. Просто он, стоя перед выжившими, объявлял о своем собственном решении и приглашал остальных присоединиться к нему, если они того захотят.

Наблюдая с закрытыми глазами за происходящим на сцене, Хорьчиха Трилистник из сторонней свидетельницы превращалась в участницу событий. «Если другие пойдут за ним — и я пойду». В состоянии транса она ждала от него продолжения списка *Правил Этикета*, по которым ее цивилизация живет и по сей день.

— Я называюсь хорьком, — прошептала Трили, — чтобы провозгласить: я никому не соперник и не враг, все мы — одна семья...

Но хорек, стоявший перед камерами и советниками, хранил молчание.

И наконец — почти шепотом:

— ...Спасибо.

И кивнул самому себе. Он не забыл ничего. «Спасибо».

Повернулся и пошел со сцены. Глянул в сторону Трили и снова кивнул, будто скорее чувствовал ее присутствие, чем видел ее.

Открылась дверь в прихожую, тень пингвина метнулась прочь. Аведой Мерек прошел через комнату, и дверь закрылась.

В состоянии транса Трилистник увидела несколько бликов на карте планеты, затем больше, еще больше. Сотни и сотни огней.

«Правда заключается в том, — думала Трилистник, — что ответы, которые мы ищем, находятся не вне нас, а внутри. Психология, как и всякая другая наука, есть средство обнаружить то, что мы уже знаем. Предметы материальной культуры помогают, потому что мы верим в их помощь».

Придя на следующее утро, Норки застал Трилистник свернувшейся калачиком на софе. Она просматривала свои записи, сделанные прошлым вечером.

«Если это правда, что хорьки когда-то применяли насилие, а потом отказались от него навсегда, — размышляла същица, — то такие повороты в характере цивилизаций совершаются скачкообразно, как результат одного крупного события, а не череды мелких, менее важных».

Аведой Мерек сказал себе: «Если некий образ жизни привел нас к ужасным событиям, можно ли продолжать жить по-старому?»

«Именно *этот* момент был поворотным», — решила Трилистник.

Далее: как можно доказать, что виденное ею в состоянии транса происходило в реальной действительности?

Трилистник встала поздно и обложила свое Кресло Нераскрытых Тайн толстыми фолиантами, большую часть которых составляла энциклопедия «*Со всех лап — к знаниям*».

Потом пошла в библиотеку, где погрузилась в чтение книг древней Ферры. И не нашла ничего.

Ни одного упоминания или документа, нигде ничего ни о каких войнах, битвах и сражениях. Ничего о победах или поражениях, ничего, кроме мира, гармонии и хоречьей доброты, — сквозь всю историю, с самого начала.

Но я видела это! Я видела руины городов, надежды, разрушенные до основания, до щебня, видела огонь. Я видела, как Аведой Мерек взывал к народу! Как могла я это видеть, если упоминаний об этой катастрофе нет ни в одном документе истории хорьков?

— Не хотите ли чаю, мисс Трилистник?

— Не откажусь, мистер Норки, благодарю вас.

В этот момент зазвенел дверной звонок. Его ручка сдвинулась от положения «Стоп машина!» до «Полный вперед!», затем вернулась обратно.

— Войдите, прошу вас, — сказал Норки.

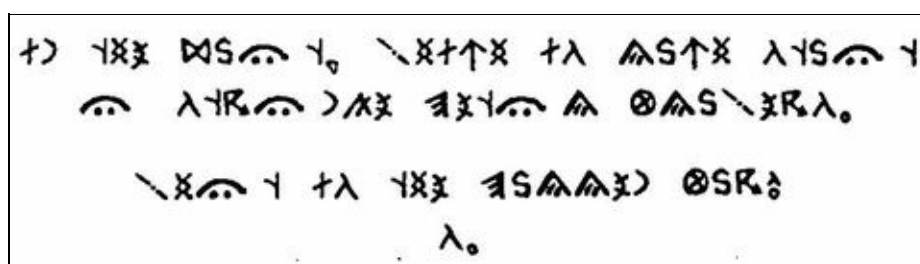
Ни ответа, ни повторного звонка не последовало.

Он налил чай, добавил меда и поставил перед Трили прибор. Затем пересек комнату и открыл дверь.

— Клянусь усами, — пробормотал Норки, — там никого нет!

Глянул вдоль улицы, влево, вправо — никого. Тогда он посмотрел вниз, нагнулся к порогу и поднял лист серебристо-голубой фольги.

— Вот это да-а...

Рослый хорек, прищурившись, посмотрел на странные знаки, покачал головой и снова глянул вдоль улицы. Затем закрыл дверь и, подойдя к партнерше, положил перед ней фольгу.

— Боюсь, я не силен в древнем алфавите. Трили нахмурилась: «Древний алфавит?»

По краям листа были не напечатаны, а скорее тонко выписаны золотом виноградные лозы и ярко-пурпурные цветы.

В центре листа, написанные от лапы, сияли буквы древнего алфавита планеты Ферра.

Трилистник не забыла язык древних, она очень любила его старинные руны.

«На дне Горностаева озера, — прочла Трили, —

цветы со странными лепестками.

Для чего нужна их пыльца?

К.»

Взяв в лапы фольгу, Трили закрыла глаза и дала волю воображению. Пылающий метеор прорезает ночь, корабль тонет, под волнами видны цветы. И в стороне, как в зеркале, ее собственное улыбающееся лицо.

То, что после звонка за дверью никого не оказалось, не удивило ее. Стараться найти того, кто не хочет быть найденным, — это нормально для ее профессии. Хорьки любопытны, когда дело касается других, но скромны, когда дело касается их самих, — так утверждают телевидение и пресса.

Но что за странное послание и кто его автор?

Почему кто-то хочет анонимно предложить ей ключ к разгадке, и если это действительно ключ, то к какому из ее расследований?

Трили отложила фольгу:

— Что вы думаете об этом, мистер Норки?

— Это хоречий металл, мисс Трилистник.

— А ведь верно. И...

— ...кому-то хотелось бы, чтобы вы совершили путешествие...

— ...к Горностаеву озеру.

— Похоже, что так.

— И что там надо сделать? Долгая пауза.

— Я полагаю, мисс Трилистник, вы намерены сделать там открытие.

С тех пор как Норки стал партнером Хорьчихи Трилистник, *Правила Этикета* исключают его контакты с Хорьчихой Мускат и фирмой, где он работал прежде. «Если за всем этим стоит Мускат и ее фирма, — думал Норки, — то, что бы они ни планировали, они решили действовать без его ведома и согласия».

В один миг расследование Хорьчихи Трилистник изменило свой ход и двинулось по направлению к Горностаеву озеру.

Она выяснила, что самым ранним свидетельством был написанный на планете Ферра сонет о строительстве дворца на берегу этого озера. Последним оказалась написанная для щенков фантастическая повесть Хорька Баджирона. «Фантастика, однако, не лишена значения», — подумала Трили, входя в книжный магазин «Черная маска».

Найдя маленькое кресло в секции щенячьей литературы, она перелистала книгу Хорька Баджирона, прежде чем купить ее. Действительно, речь идет о чудовище в Горностаевом озере. Но о каком-то особенном чудовище. Как обнаружили Баджи и его друг Валджери Бэт, это чудовище могло изменить их время. Был ли это только вымысел, в котором воображение автора в значительной мере совпадало с ее собственным? Другими словами, могло ли чудовище со дна озера стать ключом к разгадке Дела о Благородном Поступке?

Под довольное урчание «Остин-Фьюррета» Норки покрывал расстояние от Лондона до Шотландии со скоростью, которую мог себе позволить только опытный гонщик.

Один раз на горной дороге у Трили перехватило дыхание, и она схватилась за поручень, когда их двухместный автомобиль сильно занесло на крутом повороте.

— Я бы тоже испугался, — сказал Норки, — если б это была другая машина. Но мы с «Фьюрретом» участвовали в Шотландии в гонках, более престижных, чем Ф-3. Безопасность гарантирую, мисс Трилистник, независимо от скорости...

Он глянул на спутницу:

— Может быть, все-таки сбавить скорость, мэм?

Трили разжала лапку и расслабилась от носа до хвоста.

— Езжайте так быстро, как только можете, мистер Норки.

Партнер рассмеялся, восхищаясь юной сыщицей. «Фьюррет» вписался в следующий поворот с чуть меньшим вращающим моментом и без заноса.

К полудню наши хорьки въехали во владения дворца «Мустелания». Они видели на башнях дворца яркие флаги, сияющие в солнечном свете, взрослых и щенков, приехавших на пикник и затеявших игры на широких полянах и в парках. Многие ходили экскурсионными группами по просторным апартаментам дворца и самой большой на Земле библиотеки.

С востока дворец омывали сияющие воды Горностаева озера. Норки осторожно рулил в потоке машин, пока они не достигли берега. Хотя большинство автомобилей сворачивали налево, в сторону северной автострады, Норки повернул направо, на боковую дорожку, и остановил машину у прибрежного ресторана.

— Не проголодались, мисс Трилистник? — спросил ее спутник. — Как насчет позднего ленча перед погружением? Весьма рекомендую *crepes flambe*^[2].

«Странно, — подумала Трили, — как может он быть здесь завсегдаем, так далеко на севере?»

Метрдотель кивнул Норки и подвел компаньонов к местам с видом на озеро. Хотя ресторан не был переполнен, Трили заметила, что их усадили за лучший в зале столик.

— Должен сказать, вы заслужили ленч, мисс Трилистник. Не каждый день разгадываются такие дела, как ваше.

Трили рассмеялась:

— До разгадки еще далеко. Боюсь, Дело о Благородном Поступке долго будет занимать все мои мысли. Мы проделали весь этот путь, чтобы найти ключ, который, похоже, готов ускользнуть от нас.

Она процитировала то, что было написано на металлическом свитке:

— «На дне Горностаева озера цветы со странными лепестками. Для чего нужна их пыльца?» Тринадцать слов, мистер Норки, шестьдесят шесть рун.

— Восемьдесят один знак, считая пробелы, мэм. Число слов плюс число букв равно общему числу рун.

Трили покачала головой.

— Боюсь, это тупиковый путь. Столько-то «А», столько-то «В»... Я не думаю, что это загадка на число букв и слов.

Явился официант, красивый хорек со светлой шерстью, черными лапами и маской и в шарфе цвета морской волны.

— Тонкий вкус, — одобрил он их заказ. И улыбнулся, с пристальным любопытством глянув

на Трилистник: — Принести вам ваш мандалайский чай, мэм?

Трили посмотрела на него, пораженная.

— Да, — ответила, — да, пожалуйста.

— И мед, чистый, не смешанный?

Трили кивнула, лишившись дара речи.

— Сию минуту, мисс Трилистник, — и убежал на кухню.

— Мистер Норки, что это все значит? Партнер улыбнулся:

— Что именно?

— «Мисс Трилистник»... Я же здесь никогда раньше не бывала.

Норки пожал плечами:

— О вас пишут в газетах, в рубрике «Кто в новостях?». Ваши расследования, ваши пути к разгадкам вызывают огромный общественный интерес. Энергичный, подающий надежды детектив, уникальный ум. Вы не читаете о себе, зато другие читают.

Трили не подозревала, что благодаря профессиональным успехам превратилась из частного лица в публичное.

Хорькам нравится заслуженная слава, аристократизм достоинств. Их «князей» и «принцесс» выбирают исходя не из знатного происхождения, а по профессиональным качествам. Если вы мастер своего дела, другие хорьки обязательно захотят узнать, почему и что помогает вам отличаться от других.

Еще щенком Трилистник не была исключением, внимательно изучая дела Хорьчихи Мускат и страстно желая узнать все, что можно, о своей героине — о ее светлом уме, о том, как она работает, думает, живет.

Норки любовался видом залитого солнечным светом синего глубокого озера и мшистыми холмами за ним. Он молчал и будто прислушивался к беседе своей партнерши, которую та неслышно вела сама с собой.

Небеса помогают тем, кто вызывает интерес хорьков, им помогают ангелы, — думала Трили. — Каждый живет, следуя своему высшему образцу, время от времени ошибаясь и учась на ошибках. Такова и ее судьба. Однако хорьки, отмеченные славой, просто не имеют права ошибаться. Так думают о них другие.

И возраст тут не имеет значения: если какой-то молодой хорек привлек интерес и любопытство других хорьков — он стал моделью, образцом для подражания. Для каждого, во всех областях деятельности.

— Кроме поэзии, — заметил Норки, вторгаясь в ее мысли. — Свиток фольги гласит: «Горностаево озеро прячет нечто странное и прекрасное, что влияет на мир неведомыми нам путями». Чтобы раскрыть эту тайну, вам придется выяснить, что это такое и как оно действует.

Трилистник нахмурилась и покачала головой:

— Все обстоит проще, мистер Норки. Если то, о чем вы говорите, и есть ключ к разгадке Дела о Благородном Поступке (а я в этом не уверена), значит, то, что мне необходимо, лежит в озере, я полагаю — на дне озера.

— А что вам необходимо, мисс Трилистник?

Молодая хорьчиха улыбнулась. Этот вопрос не отпускал ее ни днем, ни ночью.

— Доказательство, — последовал ответ, — очевидное доказательство. Без него Хорьчиха Трилистник — не детектив, а фантазер, который рассказывает сказки о своих путешествиях во времени.

— И вы считаете, что доказательство — под водой?

— Я найду его, Норки, или оно найдет меня, на моем пути ко дну.

Эти слова заставили его вздрогнуть. Будто она знала больше того, что говорила. *Оно найдет*

меня.

Трили кивнула. Ее высшая истина требовала решимости.

— Я готова к встрече, — произнесла она. — Тот, кто когда-то написал этот свиток, ждет меня.

«Она изучает все, что может, — думал Норки, — пропускает факты сквозь опыт, а затем совершает прыжок в неизвестность, полагаясь на интуицию. Ее отвага достойна восхищения». Он кивнул. Отвага — последнее испытание.

Катер с аквалангом стрелой летел к середине Горностаева озера. Трилистник, прислушиваясь к своей интуиции, пыталась понять, в каком месте озера может находиться *цветок со странными лепестками*.

Вдруг, не зная почему, она попросила: — Остановитесь здесь, пожалуйста!

Капитан скрыла улыбку за солнечными очками и протянула лапу к дросселю. Катер замедлил ход, остановился и на холостом ходу немного сдал назад, пока не раздался голос Трили:

— Достаточно, благодарю вас, мэ.м.

При выключенном двигателе катер стал дрейфовать на волнующейся глади озера.

— Здесь глубоко, — заметила капитан, хорьчиха со шкуркой темно-серого цвета, в низко надвинутом на глаза кепи. Ее шарф развевался по воле легкого ветерка. — Здесь намного глубже, чем вблизи от берега.

— Это хорошо. Спасибо.

Трилистник щелкнула застежками ремней на водолазном костюме, пристегнула ласты и маску, проверила ее герметичность, прикрепила к шлему прожектор.

— Ждите меня, мистер Норки, — сказала Трили. — Если будут проблемы с воздухом, я скоро поднимусь. Но я полагаю... — она обожгла его взглядом, предвкушая приключение. — Если я не вернусь после захода солнца, возьмите фонарь и следуйте за мной.

— Если вы не вернетесь, я последую за вами раньше, мисс Трилистник.

Солнце стояло высоко и пронзало копьями света воду вокруг катера. Вспышки света сияли на поверхности и исчезали, не осветив дна.

Трили шагнула на поперечину приставного трапа, широко раскинула лапы и прыгнула в воду.

В ту же секунду у нее мелькнула мысль, что, может, и глупо нырять навстречу неизвестному объекту, ожидая помощи от самого этого объекта.

Как договорились, она послала Норки радиосигнал и отбросила свой страх. Вовсе не глупо. Это шанс раскрыть тайну. Дело сделано, она прыгнула, и теперь ее темная фигурка погружалась в толщу воды.

— Она мало что увидит, мистер Норки, — капитан улыбнулась партнеру сыщицы. — Это же самая глубокая часть озера. И какой смысл нырять туда, где ничего не видно?

Трилистник погружалась в озеро, любясь тысячами пузырьков, мерцающих, как светлые жемчужины, в ее шкурке. За ними туманилась таинственная синева.

Не было видно ни дна внизу, ни рыб вокруг, и даже катер над ней исчез из виду. Если бы не расплывчатый след провода, который разматывался с прикрепленной к ремню ее акваланга катушки, и не стремящиеся вверх серебристые пузырьки выдыхаемого ею воздуха, она ощущала бы себя точкой, абсолютно одиноко блуждающей в космосе.

Три сотни лап в глубину, и почти не ясно, в каком направлении поверхность.

«И что теперь делать, — подумала Трили, — ждать? Деятельные хорьки не ждут. У меня достаточный запас воздуха, чтобы достигнуть дна, но для исследований воздуха маловато. Приземлиться, затем несколько минут для поверхностного обследования и — наверх».

Продолжая погружаться, Трили включила прожектор. Посмотрела вниз. Пучок лучей осветил глубину всего в двадцать лап, дальше снова мрак.

Вскоре, приблизительно оценив скорость своего погружения, Трили поняла, что через несколько секунд достигнет дна.

Когда это произошло, луч ее прожектора высветил метнувшуюся вверх одинокую серебристую вспышку, меньше мелкой рыбешки. Затем, вслед ей, — другую. Обе не обнаружили никакого любопытства по отношению к Трили, не остановились и не стали плавать вокруг нее, как плавают обычно рыбы вокруг ныряльщиков. «Не похоже на рыб, — подумала Трили, — скорее насекомые. Подводные насекомые? Странно. *Водные пчелы?*»

И тут она поняла, что все дно озера заполнено этими существами.

Дно было плоским, как блюдо. Облачка ила поднимались вверх там, где ступали ее лапы. Странные существа пощелкивали от прикосновения, как тасуемая колода карт, затем застывали разноцветными арками.

Лапы Трилистник скользили по поверхности дна, которое плавно закруглялось слева от нее. Чем дальше она передвигалась, тем круче изгибалось дно. Вдруг она ощутила под лапой пустоту и скользнула вниз, успев заметить рядом, в толще воды, какую-то глыбу или башню.

Вторично коснувшись дна, Трили очутилась на покрытой травой поверхности, у подножия глыбы, которое она ощупала прожектором.

Внезапно на конце луча ее прожектора вспыхнула искра, словно отраженная от чего-то, скрытого в непроглядной мгле.

Трили заметила огромное тело, поднятое на десяти лапах, которые опирались на дно озера. Между дном и основанием глыбы можно было стоять и ходить.

Трили знала, что у нее нет времени ни на дальнейшие наблюдения, ни на обдумывание.

Когда она приблизилась, свет ее фонаря вспышкой отразился от поверхности глыбы, скользнул серебристым лучом по верху головы сыщицы и осветил баллон с воздухом под спящим гигантом.

Какой-то предмет неясной формы коснулся Трилистник, и она отпрыгнула, направив на него луч прожектора. Все вокруг нее оставалось недвижимым и безмолвным. Присмотревшись, Трили разглядела, что это была гибкая стальная лестница.

Внезапная догадка, вспыхнувшая в мозгу, будто током пронзила Трилистник. Это не скала и не тело! Это корабль! Космический корабль, погрузившийся на дно озера...

Трили отцепила катушку от своего ремня и обвязала шнуром нижнюю ступеньку лестницы. Время рвануло вперед на самой высокой передаче, мозг жонглировал вариантами так стремительно, что она едва успевала облечь их в слова:

Кто-то (или что-то) призвал(о) ее связать воедино тайну и древний язык планеты Ферра, и лепестки цветов, и психологию, и Хорька Стилтона, и Аведоя Мерека, и Хорька Норки, и Горностаево озеро, и дворец! Контору *Мускат и Бергамот* и водных пчел!

Для чего нужна пыльца?

Установить связь между Хорьком Баджироном и кораблем.

Почему погрузился, когда погрузился — *время!* — как погружался, где был построен?

Между *Правилами Этикета* и *Путем хорьков?!*

Установить связь между войной и энциклопедией «*Со всех лап — к знаниям*», том 23!

Между родителями и пузырьками! Между Таинственными Рисунками! Между мисс Имбирь и «твоей собственной звездой...» Года умещались в секундах, и сыщица это видела.

—ВРЕМЯ—

ВРЕМЯ!

Трилистник дотронулась до часов и не поверила своим глазам. Ей казалось, что прошло мгновение не длиннее времени вдоха, но указатель на шкале перепрыгнул за красную линию. Еще чуть-чуть, и будет слишком поздно. Она должна подниматься медленно, чтобы давление снижалось постепенно. Но без воздуха, не дыша, она не сможет этого сделать. Каждая секунда промедления на глубине отнимает у нее шанс выжить, потому что запас воздуха на исходе.

Что это за корабль?

Трили схватилась за лестницу и стала подниматься навстречу серебристому свечению, борясь за свою жизнь, которая могла быть спасена только в верхнем помещении затонувшего корабля.

Пока Трилистник поднималась по лестнице к нижнему люку, ее шкурка сверкала, как мех морской выдры, освещая пространство, так долго погруженное во мрак.

Наконец ее лапа тронула круглое дно переходного шлюза. Раздался слабый щелчок, и помещение озарилось мягким светом.

Стены и потолок из разноцветного металла были округлыми. Внутри — пустое пространство, только поручни для лап, которые вели к лестнице и к отверстию, через которое она вошла. За ним — вода. Овальная люк над ней был закрыт.

Наконец мы встречаемся, подумала Трили. Кто бы ни послал загадочную весть с планеты Ферра, он должен быть близко.

— Хелло? — позвала Трили.

Ответа не последовало. Никто не встретил ее и не оставил никакого знака. Трили сбросила свое водолазное снаряжение, ласты и утяжеляющий пояс и положила их около прожектора на лестнице.

Люк был плотно пригнан. Таких замков Трили раньше не видела, но знала, что они используются моряками для обеспечения герметичности отсеков корабля.

Она дотронулась до металлической стены. Перед ее внутренним взором промелькнули видения: вид огромного кораблестроительного завода, величественнее, чем она могла себе представить. Тысячи хорьков на строительных лесах поднимают на лебедках снаряжение, которого она никогда не видела, пригоняют друг к другу закругленные фрагменты.

Вдруг приглушенный звон металла эхом отозвался в помещении, и металлический лист закрыл отверстие для впуска воды. Трили услышала свист удаляемого воздуха, почувствовала ушами перепад давления. Это не может долго продолжаться. Трили стояла спокойно, стараясь оценить перегрузку.

Почему никто не отвечает? Тот, кто осветил отсек, закрыл и воздушный люк. И почему в утонувшем корабле сохранился воздух? Откуда вообще здесь воздух?

Трили расслабилась, улыбнулась сама себе. Причина есть, подумала она. Всему есть своя

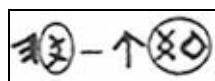
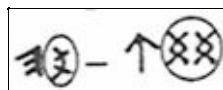
причина, и вскоре каждый шаг моей тайны обретет свой смысл.

Вскоре Трили услышала лязг шестерней, замок люка повернулся вокруг своей оси, загудел двигатель, и воздух, будто выпущенный из меха, со свистом вырвался наружу.

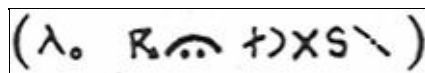
Это не кораблекрушение, это заработал двигатель подводного судна. Подводная лодка! Открытие вызвало шквал новых вопросов. «Что должно было случиться, — подумала Трили, — то и случилось».

Она выбралась через открывшийся люк, повернула сначала налево, потом направо, и перед ней открылся широкий прямой коридор, ведущий, по-видимому, к центру корабля. Корабль, откуда бы он ни взялся, не был разрушен. Люк за ее спиной герметично закрылся. Воздух свистел в ушах, механизмы жужжали. Внутренняя дверь закрылась, а наружная — снова открылась в глубины вод.

На каждом пересечении коридоров на языке древней Ферры по трафарету был нанесен указатель:

Она перевела: P9-C11, P9-C11... У каждого пятого люка было прибавлено изображение буквы S .

S — «субмарина», подумала Трили. Субмарина «Радуга».

— Хелло? — Нет ответа.

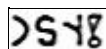
Трили миновала коридор 9 и вышла к правому борту со стальными входными люками. Трюмы для команды — догадалась она.

Подойдя к концу прохода, она застыла. Над люком С2 был изображен герб, эмблема. Мельче, чем тот, который она помнила, но такой же! Ошибки быть не могло.

В овальной белой рамке к металлической поверхности было прикреплено изображение двуглавого змея со стрелами в одной клешне и пучком молний — в другой. Страшное свирепое существо изумрудно-зеленого цвета с угольно-черными пятнами.

Трили сглотнула. Как могла эта эмблема, увиденная ею в... Из ее... Каким образом мог кто-то читать в ее мыслях?..

Несмотря на смятение, Трили, как всегда, все замечала и контролировала себя вопросами, наблюдая, не пропуская ни одной детали и не давая эмоциям влиять на свои выводы. Поверх дракона на языке Ферры красной краской было намалевано одно слово —

, в переводе означавшее «Нет!» Это слово поразило ее.

Она вскарабкалась к эмблеме, стуча дрожащими лапками по металлической переборке коридора, и стала изучать буквы.

Слово было нарисовано лапой с использованием старинной орфографии. В конце — восклицательный знак. Поверх страшной картины нарисовано слово «Нет!».

Как попала субмарина на дно Горностаева озера; почему здесь очутилась эмблема, которую только Трилистник, одна из всех хорьков на свете, вообразила себе; почему кто-то при помощи красной краски отверг эмблему; и наконец, где команда?

Под грузом этих вопросов Трилистник спустилась на палубу и постояла в сторонке, вбирая эмблему в память.

Смотрела пристально, закрывала глаза, снова открывала, пока не запомнила каждый штрих и оттенок цвета, каждую деталь.

— Хелло!

Но было слышно лишь эхо от звука ее голоса, корабль хранил молчание.

«Пришло время испытать мое терпение, — подумала Трилистник. — О, терпение — моя слабая сторона».

Мех същицы почти высох. Она проскользнула через последний люк в конце коридора и очутилась на палубе, похожей на взлетно-посадочную палубу авианосца, освещенной таким же мерцающим светом, как и остальной корабль.

Однако помещение оказалось просторнее, чем взлетно-посадочная палуба. По стенам располагались дюжины неосвещенных смотровых экранов. Тут же располагались ящики с приборами, выключателями и контрольными ручками. Места для радистов, снабженные широкими ремнями безопасности, пустовали. Стены из полупрозрачного серебристо-голубого металла не были раскрашены. У Трили перехватило дыхание. Это был хорекий металл, а по нему золотом выгравирована эмблема: две звезды, одна большая, другая маленькая, соединенные извилистой, как лента, дорогой. Рисунки на кукурузных полях.

Трили подошла ближе, наблюдая, впитывая, анализируя, как будто мама и папа привели ее сюда за лапку, с завязанными глазами, а потом сняли повязку и уши.

Что это за корабль, Трили, для чего он предназначен? Как он был построен? Кем? Когда? Где? Как попал в Горностаево озеро? Почему тебя сюда пригласили, кто открывал двери? Что означает эмблема? *Что это за корабль?*

— Я здесь! — эхо ее голоса отразилось от металлических переборок и вернулось к ней. А ей так хотелось быть услышанной...

Корабль был пуст и безмолвен. Приборы не освещены, их стрелки недвижны.

Вдруг глаза Трили расширились. Плакаты, маркировка на инструментах, подписи — все это было выгравировано на языке Ферры. Овальные иллюминаторы смотрели в черную воду. На одном из подоконников стояла маленькая синяя ваза. В ней — нежный цветок, создающий видимость домашнего уюта. Скромная падающая звезда... *Картина из музея!*

«S означает не *submarine*, — прошептала Трили ошеломленно, — S означает *starship*^[3]».

Трили опустила на край самого переднего кресла, стоявшего перед полукруглым диваном. В тишине зазвучал ее голос.

— Здесь они сидели, мои предки, в этих креслах, касались этих приборов и вели этот корабль среди звезд! Они были здесь!

Они прибыли сюда, ее прародители и их щенки, которые стали Трилиными пра-пра-прадедушками и пра-пра-прабабушками. Сотни веков тому назад они преодолели на этом корабле расстояние во много световых лет от Ферры до Земли.

Глаза Трили наполнились слезами, и она в изнеможении упала головой на щиток приборов, закрыв мордочку лапами. Ее слезы потекли на древние приборы. Она ясно представила себе приземление своих далеких предков, тоска по ним смешалась с сумасшедшей радостью раскрытия тайны и обернулась бесконечной печалью.

Видения прошлого.

Тогда здесь не было Горностаева озера. На этом месте простиралась зеленая долина.

Корабль первых хорьков-пришельцев мягко коснулся травы, и магнитные двигатели наконец были заглушены.

Трили ясно увидела своих предков, взрослых и щенков, испуганных и храбрых в то же время, полных решимости построить здесь новый мир — цивилизацию, основанную на *Правилах Этикета*.

Трили ощущала их решимость. Они не оставили воспоминаний о прошлом, они решили жить по-новому. Зачем рисковать будущим, описывая войны, которые недостойны памяти потомков; зачем увековечивать имена людей, причастных к ненависти и убийствам?

Они высмеяли чудовище-змея и поклялись, что отныне только честь будет девизом их культуры. И колонисты выстояли против всех ожидавших их опасностей ради своих щенков и ради жизни на новых началах.

И теперь Хорьчиха Трилистник, одна из потомков тех хорьков, которые звали своих родителей к звездам, плакала от любви к давно ушедшим смельчакам-предкам, которые отныне всегда будут жить в ее сердце.

— Не хотите ли чаю, мисс Трилистник?

Хорек Норки стоял перед панелью приборов. Капли воды еще блестели в его шкурке. За ним был виден еще один хорек, которого Трили не узнала из-за слез, застилавших глаза.

— Норки! — вопль восторга пополам с рыданием.

— Да, мэм, — он оглядел комнату, — вы нашли его!

— Все они... прилетели с Ферры! *Норки, это их корабль!*

— Это так.

— Вы знали?

— Нет. Мы последовали за вами в глубину. Теперь мы знаем.

«Легенда оказалась правдой. Мы прилетели из космоса!»

— Теперь у вас много доказательств, мисс Трилистник.

Он повернулся к другому хорьку, кивнул и снова посмотрел на Трили.

— Норки...

Трили вскочила, кинулась в объятия своего партнера и, не вытирая слез, спрятала мордочку в мягком меху на его груди. Норки стоял тихо, успокаивая ее.

Наконец он произнес:

— Мисс Трилистник, я счастлив представить Вам мисс Мускат из фирмы «*Мускат и...*

Трили задохнулась и бросилась к хорьчихе, которой она восхищалась всю свою жизнь. Угольная пыль была смыта с шерсти капитана во время долгого подводного путешествия.... Сейчас, еще влажный, ее мех сиял особым, необычным оттенком. Глаза смотрели не мигая, замечая все.

Улыбнувшись порыву юной хорьчихи, Мускат дополнила реплику Трилиного партнера:

— *...и Бергамот».*

Трили обернулась, чувствуя слабость в коленках:

— Мистер Норки? Вы — Хорек Бергамот?

— Бывший Хорек Бергамот, — поправил ее партнер. — Я иногда ошибаюсь, особенно перед камерами.

— Вы очаровали нас с самого начала, Трилистник, — сказала Мускат, — даже раньше, чем сначала. Дело о Невидимых Часах — хорьки-близнецы. Ваша разгадка была поразительной. А Дело о Таинственных Рисунках! Мы все были озадачены, но когда вы нашли художников и мышь объяснил...

Мускат кивком указала на эмблему на стене:

— Как вы узнали до того, как нашли корабль, что за рисунки были на «Радуге»?

— Я этого не знала, — Трили улыбнулась своей героине, — но дайте мне один день, мэм, и я расскажу вам все.

Ее ум работал стремительно. Надо сказать так много!

— Аква-пчелы, мисс Мускат! Вы заметили их рой вокруг корабля? Не думаете ли вы, что это может означать...

— ...что это вовсе не пчелы? — закончила Мускат.

Внутренний наблюдатель Трили замер, счастливый: неужели это она, тот щеночек, который однажды тащил домой из библиотеки энциклопедию, стоит сейчас, делясь идеями и состязаясь в уме со знаменитыми «*Мускат и Бергамот*»?

Заслуга семьи, промелькнуло в голове. Но приключения, которые мы выбираем, и тайны, раскрытые нами, создают нашу собственную биографию, и такими нас узнают хорьки во всем

мире. Тем, кто ценит приключения и тайны.

Хорьчиха Трилистник становится знаменитой? Она так сияет от счастья, подумал внутренний наблюдатель, что, похоже, это ее радует.

Один раз в столетие атомные часы бьют: *открой и исследуй*. Один раз в столетие доступ к ракетным двигателям «Радуги» открывается.

Один раз в столетие меня запускают.

Я фиксирую дуговые и радиальные координаты. Радиус — тысяча лап, десять тысяч лап, одна мегалапа, десять мегалап, сто.

ОСЗУ: Отсутствует Соответствующее Запоминающее Устройство.

Возвращаюсь на корабль.

На мониторе виден небольшой рой, пчелы в состоянии покоя.

Включить часы.

Отключить двигатель.

Один раз в столетие я исследую.

Я исследовал 106 раз.

После тридцать девятого столетия атмосфера меняется. Вместо свободного азота и кислорода образуется лед, затем — вода. Корабль оказывается в углублении на дне озера, образованного этими субстанциями.

Регистрация, цикл 107:

Инструкция — *Открыть и исследовать*.

Доступ к наружной двери — *Свободный*.

Дверь — *Открыта*.

Данные пчел — *Запуск*.

Лечу сквозь толщу воды.

Начинаю исследование в радиусе тысяча лап.

ОСЗУ.

Лечу сквозь воздух.

Начинаю исследование в радиусе десять тысяч лап.

ЗУЛ: Запоминающее устройство локализовано. Уровень — 2127 лап.

Азимут — 283 градуса. Я возвращаюсь на корабль.

Я активирую последовательность данных пчелиного роя.

Я фиксирую дверь в состоянии «Открыто».

Я переключаю свой полет с пчелы-исследователя на пчелу-передатчика.

Я начинаю передачу информации Хорьку, составляю протокол консервации энергии, фиксирую низкий уровень трансмиссии.

Я передаю данные о корабле в центр.

Я закладываю первый килопакет информации в секцию 1:

1. Нашим потомкам
2. Кто мы
3. История Ферры
4. Почему мы пришли на Землю
5. Повторное включение «Радуги»
6. Эксплуатация космического корабля
7. Навигация и возвращение домой
8. Бортовые журналы и протоколы
9. Технические данные

Я возвращаюсь к двери.

Я запускаюсь.

Я направляюсь прямо во дворец и по печной трубе попадаю в хранилище архивов, под главным помещением библиотеки.

Я подтверждаю, что загрузка не будет помехой хорецкой компьютерной системе.

Я загружаю первый килопакет информации из наружной секции 1 в неиспользованное пространство компьютера.

Я возвращаюсь на корабль.

Я передаю данные о корабле в центр.

Я сгружаю следующий килопакет информации из наружной секции.

Я продолжаю переносить в один килопакет данные других пчел, пока не загрузится двадцать тысяч гигапакетов или пока не будут получены альтернативные инструкции от хорьков.

Я корректирую последующие циклы до момента полной загрузки.

Мне нравится моя работа.

Крылья жужжат, переливаясь серебристой синевой в солнечном свете и темным жемчугом — в свете луны. С крошечными всплесками аква-пчелы покидают Горностаево озеро, оставляя неясный след от своих крыльев на пути во дворец «Мустелания». Они настолько малы, что и в стремительном полете еле видны даже в замкнутом пространстве.

На Горностаево озеро пала тьма, но внутренние помещения «Радуги» с тремя хорьками у штурманской рубки и настольные звездные карты были залиты холодным ровным светом.

— Вы представляете себе, что я почувствовала, мисс Мускат, — Трили теперь говорила свободно и естественно с той, кто раньше была ее кумиром, — когда я взглянула поверх люка в коридоре и увидела змея...

Она подпрыгнула от восторга.

— Что нашли доказательство? — спросила та спокойно.

— Конечно! Иначе мои видения могли показаться только мечтой, фантазией. Никто бы не поверил, что это был наш сознательный выбор. Он стал примером,

Аведой Мерек. Один хорек, его персональное решение: *Я отрекаюсь от зла...*

— Выжившие услышали его, — ответила Мускат, — зная, что он был прав. И они тоже отrekliсь от зла. Так ведь было?

— И до сего дня! Каждый из нас. Не один так поступает, но миллионы: каждый хорек каждый день совершает бессмертный благородный поступок.

Знаменитая сыщица улыбнулась своей юной коллеге.

— Такая прекрасная разгадка обязана быть правильной, — согласилась она. — Но скажите мне — вы можете доказать, что разрыв со злом начался с Аведоя Мерека?

Тон вопроса озадачил Трилистник... Хорьчиха Мускат в чем-то сомневалась.

Будто лазерная вспышка осветила в голове Трили весь ход расследования. Все правильно: знак змея-войны, о котором она не могла знать, существовал помимо ее видения, в котором Аведой Мерек, стоявший одиноко перед всеми, выбрал свою высшую истину. И она нашла точно такую же эмблему в переходе затонувшего корабля. Это ли не доказательство?

«Изображение змея доказало истинность моего видения», — подумала Трили, и в этот момент поняла, какой изъян в ее доказательстве подметила Мускат: различие между субъективным и объективным, между дедукцией и реальностью.

Трили засмеялась, уязвленная, и закрыла лапами глаза:

— О, клянусь усами, — ее голос прозвучал глухо в тишине, — похоже, змей — это доказательство только для меня!

Изображение змея с его стрелами и молниями было подлинным, его можно было видеть в коридоре, над люком С2. Но рассказ Трилистник, хотя и правдивый, не доказывал, что упомянутый ею благородный поступок был в действительности когда-то совершен.

Другие хорьки могли поверить Трилистник, — хорьки умеют отличить правду от лжи, но другие хорьки не присутствовали вместе с ней в зале Совета, не перенеслись через века в пожары древней войны, не были свидетелями переломного момента цивилизации, когда Аведой Мерек провозгласил декларацию высшей истины. Все это видела только Трили, и никто более из живущих хорьков.

Наконец она села, сложив лапы, улыбка ее была печальной. Только Трилистник знала, как все было на самом деле, но она всегда будет одинока в своем знании.

— Есть способ убедить всех, мисс Трилистник, — заметил Норки, — но мы не должны применять его слишком часто.

Мускат встала.

— Как вы полагаете, — спросила она мягко, — не могли бы вы раскрыть дело, совсем другое, которое никогда не было раскрыто?

Трилистник покачала головой.

Мускат переглянулась с Норки. Он кивнул и продолжил:

— Назовем его Делом о Недостоящем Магните. Вы никогда не задумывались, мисс Трилистник, почему хорьки так любят знаменитостей? Вы знаете почему. Мы любим их потому, что мы любознательны. Наша цивилизация основана на примерах для подражания.

В какой еще культуре, кроме нашей, знаменитости должны быть образцами высокой нравственности?

— Ни в одной, — ответила Трилистник, — но для нас образцом высокой нравственности являются *Правила Этикета*, мэм. Они всегда в наших сердцах.

— *Правила Этикета* — это идеи, — возразила Мускат. — Каждый из нас живет, выбрав свой собственный образец доброго и уважительного отношения к другим, мастерства в своем деле, умения правильно думать, говорить и действовать в любой ситуации. И, как правило, нашими образцами становятся знаменитости. Большинство из них начинают с мечты. Они находят в себе смелость делать то, что считают правильным, — не важно что. Если я — ваш образец, мисс Трилистник, то сегодня вы — мой образец.

— Вы — образец для каждого, мисс Мускат! «Итак, почему это могло случиться?» Когда кто-либо разгадывает тайну, он начинает с этих ваших слов, он...

Норки прервал ее, не грубо, но твердо.

— Мисс Мускат просит вас тоже стать образцом, мисс Трилистник. Она просит вас присоединиться к ней. Открыто, перед всем миром.

Прерывать чью-либо речь — такой поступок был настолько непривычным, что Трилистник с открытым ртом замерла на середине фразы, уставившись на своего партнера.

— Если вы останетесь верны вашей скромности, — продолжал Норки, — это никого не удивит. Вы — блестящий детектив, пронизательный, оригинальный, остроумный, бесстрашный. Нельзя обладать таким блестящим умом и остаться незамеченным. И мы заметили вас. Мы наблюдали за вами с тех пор, как вы были щенком. Пришло время и другим наблюдать за вами.

— Вы следили?..

— Мы испытали вас, давая вам дела, которые не смогли раскрыть сами, — призналась Мускат. — Но с нами или без нас, вы идете своим путем, Трилистник, и вскоре вы будете известны во всем мире. Это нелегко — целый день и каждый день быть лучшим для всех. Но таково наше сообщество. Мы можем помочь.

— Вы очень добры, что поверили в меня, мисс Мускат. Но я не хочу быть знаменитой.

— Почему? — вопрос прозвучал немного грустно. Неужели она прошла все испытания, кроме этого?

— Внимание, яркий свет юпитеров, фотографирование и вопросы корреспондентов: что вы думаете и почему, всегда почему...

Если слова, сказанные мягко, могут кричать, то Хорьчиха Мускат закричала:

— «Всегда-почему» поможет вашему развитию! Всегда-почему — знак любви к вам, которая поведет вас вперед! И потом, всегда-почему — это всегда-как. Щенки во всем мире будут прикалывать ваши фото к стенам своих комнат: «Как бы Трилистник расследовала мое дело? Что бы Трилистник подумала, если бы была здесь? Что бы сделала Трилистник на моем месте?»

Они же еще ничего не знают. Они будут учиться нравственности на вашем примере, вашем и других знаменитостей. Ваша высшая истина станет их, Хорьчиха Трилистник. Если вы ошибетесь, ошибутся и они!

— Уединяйтесь — ваше право, — вставил Норки, — но тогда мы не сможем больше помогать вам.

— А что, если я провалю дело, — спросила Трили, — что, если я потеряю мою высшую

истину, что, если я разочарую их?

— Подумайте, мисс Трилистник, — сказала Мускат, — можете ли вы представить себя заслуженно ставшей самой блестящей същицей на свете и при этом *провалившей* дело?

В течение следующего часа Трили бродила по коридорам космического корабля, обдумывая свою высшую истину. Ей предложили возможность влиять на судьбу миллионов щенков.

Принять предложение — значит отказаться на долгие времена от своей частной жизни.

Принять предложение — значит никогда больше не появляться на публике, независимо от степени учтивости этой публики, без того чтобы ее не узнал каждый. И для всех она будет идеалом ума и духа. И она должна будет освещать им путь вперед, во времени и в пространстве.

Анализируя свои видения, Трили старалась узнать из них как можно больше о прошлом хоречьей цивилизации. При этом она держала объект расследования в своих лапах. Теперь объект управлял ею. Космический корабль «Радуга» окружил ее воспоминаниями о прошлом, гравированными на хоречьем металле. Давно умершие члены команды и колонисты были готовы построить новый мир, в котором было бы невозможно ввергнуть неведающих в войну.

Образцы для подражания.

Трилистник пропустила видения через свое сердце: давным-давно некие хорьки забыли, что кроме них есть другие, кто любят своих жен и щенков и хотят свободно выбирать любой род деятельности — от науки и бизнеса до искусства во всех его видах.

О, как легко оказалось и для нас, и для них, воскреснув к новой жизни, забыть, что один может бояться другого, как один может защищаться от другого!

И другое видение обрушилось на нее: последствия. Умиравшие и мертвые щенки и их матери. Обожженные войной, но уцелевшие поняли друг друга. Когда Аведой Мерек воззвал к обитателям Ферры, все ощутили силу его духа, который одним дыханием, одним персонально принятым решением отрекся от зла.

Когда все, что мы любим, лежит в руинах, как просто исторгнуть клятву из глубочайшего колодца нашей души:

Любое мое действие, которое может причинить вред другим, я должен вначале испытать на себе.

Так поступаем мы все, без сомнения. Каждый старик, каждый взрослый, каждый щенок:

Прежде чем навредить тебе, я сделаю это с собой.

Чтобы не навредить мне, ты прежде испытаешь это на себе.

Следовательно, если я не хочу вредить самому себе, — вы будете жить в безопасности, вы и ваши жены, и ваши щенки. И ваши дома, и ваши города.

Следовательно, если вы не хотите вредить себе, — я буду жить в безопасности, я и моя жена, и мои щенки. И мои дома, и мои города.

Эта клятва гарантировала нерушимый, добровольный мир.

Слова клятвы прозвучали так ясно в ее воображении, что Трили покачнулась и потянулась к подставке под стальной рамой люка Р4 — С91.

Аведой Мерек прошел сквозь огонь — он и те, кто уцелел в той войне на планете Ферра, и пережитое дало им силу, отринув зло, устремиться к звездам на корабле «Радуга».

Эхо их клятвы пронзило ту, кто была их далеким потомком, и возвысило ее над страхом перед будущим.

Каждый мой день будет прожит и каждый выбор сделан ради высшей истины.

Хорьчиха Трилистник поднялась с подоконника. Щенкам нужны образцы для подражания.

Как Хорьчиха Мускат была образцом для меня, так я буду образцом для другого щенка. Она кивнула. Решение было принято. Так и будет. Прощай, частная жизнь.

Уже через несколько часов после того, как Трили приняла решение, компания Хорька Стилтона «Пуш-ТВ» и ее конкуренты по всему свету распространили информацию о том, что легенды о планете Ферра вовсе не были выдумкой.

Сыщица посадила космический корабль у дворца! — кричали заголовки, которые Норки вынужден был тут же скорректировать: Хорьчиха Трилистник не летала на космическом корабле, но она действительно обнаружила космический корабль, который мог когда-то доставить на Землю первых колонистов и *Правила Этикета*.

«Хорек-ТВ» сразу переименовал корректировку: *Скромная сыщица открыла космический корабль и доказала существование Пути Хорьков — сообщение от 11:00.*

— Первая беда известности, — объяснил Норки Трилистнику, — неизбежность искажения информации.

Трили выступила в качестве гида по кораблю «Радуга». Этот видеотур был записан на двух дисках, и его беспрестанно показывали по ТВ и в Интернете зрителям, загипнотизированным видом его интерьера и рассказами о его истории. Были выделены отдельные линии для щенков, а также открыты сайты по астрономии, физике, металлургии, механике, психологии, авиации, космической технологии, археологии, истории, мифологии, подводным исследованиям и рекламе.

Трили не смогла доказать, что когда-то один благородный поступок навсегда отрешил мир от зла и направил его исключительно на добрые дела. От тех давно минувших времен не осталось свидетельств. Но с тех давних пор заповедь добра живет в сердцах хорьков.

Книга Трилистник *«Вообразившийся факт: Аведой Мерек в зале советников на Ферре»* появилась в Пушном еженедельнике и стала бестселлером вслед за повестью Хорьчихи Даниэллы *«Щенок Вероники»*.

Но обе книги уступили первое место вскоре появившемуся изданию: Аведой Мерек, *«Путь хорьков»*, которое, по свидетельству газет, заняло первое место среди бестселлеров уже потому, что его автор жил свыше ста веков тому назад.

На отшибе от хоречьих домов, в самом конце улицы стоял дом Хорька Оливера. Он был еще щенком, но, по мнению соседей, необычайно умным, когда дело касалось раскрытия тайн.

Он любил загадки: они были для его ума, как орешки для острых беличьих зубов.

Наблюдая пустой экран неиспользуемого телевизионного канала, Оливер сумел создать на нем черно-белые вихревые циклоны, которые по желанию мог вращать в разных направлениях, преобразовывать их в квадраты, буквы и даже слова, возникающие изнутри экрана.

Этот щенок интуитивно понимал причины природных явлений: в каком порядке двигаются облака, откуда текут реки, как возникают ветры, холмы и горы. Теперь он думал о движении звезд и атомов, и как возникают атомы, и почему.

— Готово! — воскликнул фотограф из журнала *«Что скрывается за маской»*. Его лицо скрыто линзами фотокамеры. Мягкая вспышка.

— Очень мило. Звездную карту чуть поближе к себе, мисс Трилистник. Вот так. Отлично. Прекрасно. Благодарю вас. Теперь забудьте о камере, идите вперед и остановитесь около Джилибера. Я щелкну пару раз, пока вы беседуете, хорошо?

— Да-да, конечно, — ответила Трили.

Журналист ждал, готовясь закончить интервью. *«Что скрывается за маской»* не был фотожурналом, но он был широко популярен и фотографии занимали в нем важное место. Однако Трили полагала, что не все в ее рассказе может быть представлено фотографиями. Она включила свой магнитофон.

— Большинство наших читателей — молодежь, — заметил Хорек Джилибер. — Если бы вы захотели заставить задуматься щенят, мисс Трилистник... Какое слово вам хотелось услышать больше всего, когда вы были щенком?

«Одно слово, — подумала Трили, — одна идея».

— Доверие, — сказала она, — это свет, который мы видим и с закрытыми глазами. Это свет, который нам нужен больше всего на свете. Иди туда, куда он ведет тебя.

Журналист прислушался к тишине, воцарившейся после слов Трили, и выключил магнитофон.

— Это так. Большое спасибо, мисс Трилистник. Мы признательны за потраченное вами время. Могу ли я позвонить вам, когда напишу интервью, чтобы вы проверили, все ли я написал правильно?

— Когда вам будет угодно, — последовал ответ. Трили улыбнулась журналисту. — Хотелось бы сказать о многом...

Хорек Джилибер кивнул:

— Я надеюсь, вы расскажете нам все, что сочтете нужным.

Посетители ушли. Трили соскользнула по лестнице своего офиса, расположенного в центре города, и скрытым переходом прошла к наружной двери, выходящей в переулок.

— Не забудьте включить ее перед тем, как постучите в дверь, — предупредила Трили, настраивая скрытую камеру в карманчике шарфа Хорька Норки. — Я наблюдательна, но он замечает все. Если вы начнете нервничать из-за камеры...

— Не извольте беспокоиться, — парировал партнер, натирая свою маску мелом, чтобы выбелить ее, и нарочно приводя щеткой в беспорядок шкурку. — Я ведь проделывал все это для

вас, вы не забыли?

— М-м, — Трили кивнула в знак того, что помнит, — но я о чем-то догадывалась.

Когда Норки закончил «причесываться», Трили взяла у него щетку и положила ее на полку:

— Не называйте Оливера по имени. Вы его имени не знаете, не забудьте об этом.

Остановитесь и у соседней двери. Он непременно начнет расспрашивать соседей...

— Безусловно, — ответил Норки. — Я забыл, что так поступили вы. Но вы сумели все проделать лучшим образом, мисс Трилистник. Вы выдержали испытания, хотя могли и усомниться...

Он быстро кивнул сыщице и шагнул из двери к фургону, груженному энциклопедией «*Со всех лап — к знаниям*». Ну прямо вылитый уличный торговец.

Хорьчиха Трилистник рассмеялась.

— О, мистер Норки, — позвала она, покачав головой, — может быть, вы и это захватите?

Он встревожено обернулся и взял из ее рук книгу, теперь несколько потрепанную, которую когда-то показал ей как образец:

«Со всех лап — к знаниям», том 23: Статуи первобытные — Танцы народов мира.

---

notes

Bonjour mes amis (франц.) — Здравствуйте, друзья.

Crepes flambé (франц.) — блинчики в горящем бренди.

Starship (англ.) — космический корабль.